

Лебедев В. П.

ЗА СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ

РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

Россия державная

Владимир Лебедев
За святую обитель

«Алгоритм»

1900

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Лебедев В. П.

За святую обитель / В. П. Лебедев — «Алгоритм»,
1900 — (Россия державная)

ISBN 978-5-501-00151-0

Владимир Петрович Лебедев (1869–1939) – русский писатель, поэт, драматург. Родился в Москве. Рано оставшись сиротой, воспитывался в доме дяди, известного писателя Н. К. Лебедева. Первые литературные опыты явили поэтическую одаренность Владимира. Стихи его публиковались во многих журналах, о них с похвалой отзывался А. Майков, а в начале XX века вышло два объемных поэтических сборника Лебедева. Кроме того, он написал не один десяток исторических повестей и очерков. С 1914 г. В. Лебедев был редактором журнала «Историческая летопись», а после 1917 г., проживая в Ленинграде, писал театральные рецензии, статьи, либретто и даже драмы. Ни одно его историческое произведение при советской власти не переиздавалось. Повесть «За святую обитель», публикуемая в этом томе, переносит читателя во времена Смуты... Уже десятки русских городов пали под натиском поляков и литовцев, стремившихся насадить на нашей православной земле католическую веру. Но на пути интервентов встала Троице-Сергиева обитель, которая подняла народное ополчение Минина и Пожарского на битву за Россию.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00151-0

© Лебедев В. П., 1900

© Алгоритм, 1900

Содержание

В селе Молокове	7
За святого Сергия!	13
В польском стане	19
В огне	25
Приступ	31
Злые вести	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

В. П. Лебедев
За святую обитель

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», 2012

© ООО «РИЦ Литература», 2012

* * *

В селе Молокове

Много беды терпела Русь православная в правление царя Василия Иоанновича Шуйского. И опытен был в делах государских надежа-царь, и разумом его Господь не обидел, а зная уж выдался он такой незадачливый: все грознее и грознее надвигалось на Русь-матушку горе-злосчастье. Под самой Москвой гнезвился в селе Тушине вор-самозванец и грозил престольной столице несметными разбойничьими скопищами; рыскали спесивые ляхи¹ хищными конными полками по русской земле, жгли, грабили и похвалялись полонить² нашу Отчизну на веки вечные. Греховные соблазны одолевали бояр, князей, воевод, людей думных и ратных, торговых и деревенских... Корысть, разбой, измена и безначалие царили повсюду.

Близ святой обители преподобного Сергия Чудотворца лежало в те давние времена село Молоково.

Было оно сначала богатое и людное, а когда наступила злая година, зарыскали разбойничьи толпы – село опустело и обеднело.

Чернели пожарища, стояли пустые, разрушенные избы. Хлеб на нивах гнил на корню; не трогал его испуганный, обездоленный крестьянин, хоть уже давно осень наступила, хоть и зима уже близилась.

Печально глядело на хмурое село осеннее солнышко, словно думая: к чему взошло я на зорьке ясной, коли мне и полюбоваться не на что?.. Вот скользнули робкие лучи за крайнюю избу, осветили у ворот ее на завалинке трех рослых молодцов. Была та изба лучше да краше всех других на селе; крепкий тын³ хранил постройку от злых людей. Молодцы, что на завалинке зарю встретили, были хозяева-домочадцы той избы. Трех братьев Селевиных по всему селу уважали за домовитость и оборотистость. Старшего звали Ананием, силы он был богатырской, нрава прямого, доброго. Второй брат, Данила, послабее был, зато сметливее и расторопнее. Третий, Осип, тоже был собой молодец хоть куда – из десятка не выкинешь – да ходила о нем молва худая: корыстолюбив был парень, завистлив.

– О господи! – молвил со вздохом Ананий Селевин, поглядывая на нивы. – Ну и времечко настало!

– Одно слово – беда! – подхватил Данила.

Младший брат усмехнулся лукаво и вставил:

– Что ж, ребяташки, зато хошь рук не натрудим...

– Пустое говоришь! – перебил его старший. – Труд-то Господу Богу угоден, особенно наш – крестьянский.

– Иди потрудишься, – опять усмехаясь, кивнул ему Осип головой на легшую вповалку рожь.

– Стану я для нехристей-ляхов работать. Нагрянут да отнимут... Сам знаешь, почему мы сиднем сидим.

Опять замолчали братья. Солнышко все выше да выше всходило, даже припекать стало, даром что сентябрь на дворе стоял.

– Гляньте-ка, и Тимоха на свет божий выглянул, – сказал быстроглазый, заметливый Данила.

Сосед Селевиных, Тимофей, парень не слабее самого Анания, носил по селу прозвище смешливое – Суета. Был он тучен, высок, широк и мешковат, а нрава бойкого, любопытного: везде и всюду за другими спешил – и частенько его сельские зубоскалы на смех подымали.

¹ *Лях* – принятое на Руси название поляков. Некогда общеупотребительное, в позднейшие времена оно приобрело отчасти уничижительный оттенок (сами поляки его избегали).

² *Полонить* – взять в плен (полон).

³ *Тын* – вообще стена и в частности крепостная, а иногда сплошной высокий и прочный забор.

– Мир честной беседе, – молвил он, подходя. – Где бы тут присесть с вами?..

Но на завалинке для такого парня-великана места не нашлось, трое Селевиных ее всю заняли. Огляделся Суета, шагнул к недалекой полусгоревшей избе и мигом выломал из сруба пенек не тоньше себя. У избы рухнул угол, пылью и золой понесло на братьев.

– Ишь медведь! – крикнул Осип. – Чего избу рушишь?!

Принес Суета свой пенек, уселся и ответил:

– Не велика беда – избу порушить, а вот, братцы, ежели Тушинский вор Москву-матушку порушит – тогда будет беда злая, горе-горькое...

Вздохнули все. Помолчал Осип и пробормотал тихо:

– А слышь, весело живут в Тушине: пьют-гуляют...

– Небось и тебя туда тянет? – поймал его на слове Суета.

– Кабы он помыслить только такое успел, я бы его своими руками удушил! Замест отца я теперь ему... За младших братьев старший перед Богом и царем в ответе. Слышь, Оська? – прибавил Ананий.

Смешался, зарделся тот, испугался:

– Да чего вы, братцы! Так слово сказалось, а они почли уж меня за вора-переметчика... Чай, я не лях...

– Не одни ляхи теперь кровь православную льют, – вмешался Данила Селевин. – Свои-то перебежчики хуже...

– А что, братцы, силен-силен вражий лях, а все на нашу святую обитель не дерзает, – заговорил Суета.

– Чай, ее сам преподобный Сергей хранит. Не попустит Господь такой беды! – И Ананий перекрестился.

– Да и прихожане – народ православный, за обитель-матушку вступятся.

– Голову за нее сложим! – подхватил Суета.

У всех четверых лица нахмурились, глаза сверкнули. Денек теплел да теплел; в ближайшей роще зачирикали птицы, зашелестела кругом осенняя желтая трава. Задумались молодцы молоковские, глядя на далекое поле, по которому вилась дорога Сергиевская.

– Идет кто-то, – молвил Данила.

Всмотрелись – видят: две богомолки по дороге шагают, торопятся; все ближе и ближе путницы: одна – седая старуха, сгорбленная, другая – совсем еще девочка. Укутаны обе в разное тряпье.

Поклонилась старуха молодцам и спросила:

– Не пустите ль нас отдохнуть малость, люди добрые? Притомились мы с дочкой, от обители-то идучи.

– Милости просим, бабушка, – сказал, вставая, Ананий.

Ввел он богомолку в избу, воды им в деревянной чашке принес.

– А насчет еды – не обессудьте, голубушки. Один черствый хлебушко, да и то летошнего помолу.

– Спаси тебя Господь, кормилец, – в голос молвили странницы, раздеваясь и усаживаясь.

Напились они водицы, сухих корок погрызли. Тем временем в избу вошли остальные молодцы и сели.

– Ляхи, что ль, пожгли у вас село? – спросила старуха.

– И ляхи, и свои, бабушка. Такая уж пора злая...

– Верно, кормилец, правда твоя... Хуже этой поры и не бывало на Руси... Вот и наше село Здвиженское – чай, слышали, молодцы, – тоже с двух концов ляхи да перелеты запалили. И сгорело оно, как свечечка, словно все избы косой срезало... Ох, горе-горькое!..

Заплакала старуха, закручинилась и дочь: из голубых глаз покатались крупные слезы.

– Батюшка! Родненький!.. – простонала она сквозь слезы.

– И убили моего старика-хозяина! – повела опять речь старуха. – И остались мы с Грунюшкой сиротинками! Негде голову преклонить, опричь⁴ храмов Божиих, да и те, почитай все, поруганы нехристями. Одно было прибежище бедным сиротам, нищей братии – обитель-матушка; да и ту хотят теперь злодеи боем взять...

Вскочили молодцы со скамеек все как один.

– Не бывать тому! Костями ляжем за обитель!

– Да полно, бабушка, может, ты ослышалась? – недоверчиво спросил хитрый Оська.

– Какой, родимые! Правда правдинская... Все богомольцы про то толковали, плач и стон стоял в обители. Поплелась я, грешная, к святому старцу Корнилию – духовный отец он мой – пала ему в ноги. Мудрый он старец и милостив к бедным.

– Еще бы! Кто старца Корнилия не знает? Святой человек, – вымолвил Ананий.

– Благословил меня старец и поведал мне: истинно идут на обитель ляхи, и царю то уже ведомо, и посылает он, царь-батюшка, на подмогу бойцам обительским воевод своих с силою ратною и нарядом... Заплакала я, кормильцы мои, как услышала эту злую весточку, побежала спешно к Грунюшке; собрались мы и пошли куда глаза глядят.

Помолчали все недолгое время в думах тяжелых.

– А еще толковали в обители бывалые люди, – опять зачастила старуха, – что поднялся на русскую землю сам Жигимонт со всей силою ляхскою. И больно тот Жигимонт обличьем страшен: власы у него красные, огненные, очи полымем пышут, сидит он, Жигимонт, на крылатом коне, ведет за собой тьмы-тем басурманов; как увидит село али город, дохнет полымем, и только пепел остается...

– Пустое! – степенно сказал Ананий. – На вражью силу есть молитва святая. А вот что, братцы, – надо нам идти обитель-матушку оборонять...

Закрестилась старуха-богомолка:

– А ляхи-то?!

– А Бог-то, бабушка? А Сергей-то преподобный?..

Глянула Груня на Анания, и просветлело ее печальное лицо:

– Видишь, матушка, как добрые люди думают. И я то ж тебе говорила...

Замолчала старуха, не знала, что делать. Ананий тем временем оделся, топор из-под лавки взял, в мешок хлеба положил. Остальные парни тоже снарядились, торопливый Данила уже к двери пошел, как вдруг от могучего удара рухнула дверь на пол, послышались чужие голоса.

– Ляхи! – завопила старуха, хоть ничего еще сослепу и разглядеть не могла.

И вправду – в сенях теснились человек восемь польских воинов. Держались они с опаской: длинные, заряженные пистолы⁵ противу молодцев устави́ли, в левых руках обнаженные сабли держали. Ананий огляделся, мигнул товарищам глазом: смирно, обождите...

– Кто тут хозяин? – спросил, подвинувшись, толстый, румяный, с висячими усами старший лях.

Ананий спокойно вышел вперед.

– Иди до нашего ясновельможного ротмистра⁶, пана Лисовского. Живо!.. А вы, другие, ни с места – не то пулю в лоб!

⁴ *Опричь* – кроме, помимо чего-либо (старорус. и церк.-слав.).

⁵ *Пистоль* – старинная русская форма слова «пистолет», обозначающего огнестрельное оружие небольшого размера, предназначенное для стрельбы одной рукой. Название происходит от чешского слова «пишталъ», равнозначного нашему «пищаль». Довольно часто встречаемое утверждение, что слово «пистолет» происходит от названия итальянского города Пистойя, где будто бы впервые такое оружие появилось, в настоящее время ученые опровергают.

⁶ *Ротмистр* – офицерский чин. Ротмистр командует обычно эскадроном – конным отрядом численностью от ста до нескольких сотен бойцов. Слово немецкого происхождения – риттенмайстер означает начальник над всадниками.

Снаружи загремела воинская труба, загудела земля под сотнями конских копыт. Когда вышел Ананий на улицу – диву дался...

Сотни две иль более польских наездников, в красных доломанах⁷ и высоких железных шишаках⁸, вытянулись вдоль улицы. Начальник сидел на черном коне. Лицо у знаменитого наездника, грабителя сел и городов русских – ротмистра Александра Лисовского – было смуглое, хмурое; глаза словно молнии метали. Известен он был своей свирепостью, и сплелась с его именем страшная слава.

– Это хозяин! – закричал он при виде Анания по-русски чисто; успел научиться: не один год кружил Лисовский, как хищный ястреб, по русским пределам. – Поворачивайся! Хлеба, молока, живности!..

– Ничего у меня нет: все ваши взяли, – смело ответил Ананий.

– Вязать его! – закричал ротмистр. – Спешитесь человек десять, обыскать избы!..

Мигом скрутили Анания толстыми веревками, ремнями коновязными... Не шелохнулся молодец, только усмехнулся, взглянув пану в грозные глаза. Разгневался Лисовский на такую дерзость.

– Над нами смеешься!..

– Не над вами, ляхи, а над вашими путами. Гляньте-ка...

Передернул Ананий могучими плечами, повел локтями легонько – и с треском полопались веревки и ремни. Пошел глухой гул по польским рядам. Гордый ротмистр тоже подивился, да виду не подал.

– Станьте двое около него с пищалями⁹, если бежать вздумает – стреляйте. Ну, что там нашли по избам? Несите живее, жолнеры!..¹⁰

К Лисовскому подбежал толстый хорунжий¹¹ с красным одутловатым лицом.

– Пан ротмистр, видно, этот русский медведь сказал правду: кто-нибудь из наших здесь был. Все ограблено, есть только черствый хлеб...

– Давайте черствый хлеб! – весело подхватил Лисовский, соскакивая с коня. – В походе не до нежностей. Подождем, пока раскинем лагерь у монастыря; как обоз наш с паном Сапегой подойдет – попируем. Глоток вина у вас найдется, пан Тышкевич?

Толстяк весело засмеялся по примеру ротмистра и отвязал от пояса объемистую флягу. Спесивые поляки не захотели войти в мужицкую избу; усевшись на конских пополах в тени забора, они начали наскоро подкреплять силы. Солдаты Лисовского, не расседывая лошадей, привязали их к воткнутым в землю пикам или к плетням и торопливо ели свои дорожные припасы. Двое или трое стояли на карауле.

– Долго ли придется нам, пан ротмистр, биться с монахами? – спросил Тышкевич.

Лисовский самонадеянно махнул рукой:

– Недели две; много-много – месяц!.. До снегу еще пойдем отсюда с добычей.

– Куда же пойдем, ясновельможный пан?

⁷ *Доломан* – вид одежды, заимствованный поляками и русскими у венгров: укороченный (немного ниже бедер) кафтан или даже куртка с нашитыми цветными узорами из шнурков и многочисленными пуговицами. Позже доломаны стали формой гусарских полков.

⁸ *Шишак* – одна из разновидностей боевого воинского оголовья: заостренный кверху узким острием – «шишом» железный шлем (шлем с менее заостренным верхом именовался шелоном; были и другие разновидности шлемов).

⁹ *Пищаль* – старинное русское название огнестрельного оружия как ручного, так и крупных его образцов. Ручные пищали – ружья именовались ручницами; те из них, которые имели ремень для ношения их за плечами, назывались завесными пищальями. Были еще пищали затинные – тяжелые ружья, стрелявшие с упора из-за крепостных стен (тына). А пищали-орудия бывали крепостными, осадными, ломовыми (для пролома стен неприятельских крепостей) и т. д. У всех пищалей есть ствол – продолговатая трубка или труба. Она напоминала нашим предкам музыкальный инструмент – дудку, которую также звали пищалкой или пищалью (при более крупных размерах).

¹⁰ *Жолнер* – по-польски воин, солдат (особенно солдат регулярной армии).

¹¹ *Хорунжий* – в польском войске начальник отряда-хоругви.

– Я бы думал двинуться к царiku тушинскому. Говорят, там весело, всего вдоволь: целые туши бычачьи по улицам валяются...

– Послужим царице Марине, – презрительно ударяя на слово «царице», молвил хорунжий.

– Ей?! – с не меньшим презрением воскликнул ротмистр. – Нет, пан хорунжий, послужим нашим карманам... Мне дела нет до пани Мнишковны. За исправную плату я готов служить хоть самым москалям. Я бился об заклад, что куплю себе в Литве замок не хуже сапегинского, вернувшись с московской войны, – и я это исполню!

– Пью за будущее пана Лисовского! – сказал, льстиво улыбаясь, хорунжий и опорожнил чарку.

– А вы правы, пан хорунжий, – заметил, помолчав, ротмистр, – не худо бы узнать, легко ли добыть этих седых воронов из-за монастырских стен. Разве допросить этого богатыря, который так легко порвал наши путы. Он наверняка бывал в монастыре... Или вон тех других, которых ведут из избы? Глядите, глядите, пан Тышкевич: вон другой такой же великан!.. Удивительно, что за рослый народ в этом селении... Давайте допросим их...

– Мужики упрямы, – заметил хорунжий.

– Я тоже не очень уступчив... Гей, жолнеры!..

Тимофей Суета, которого вместе с Данилой и Осипом тоже связали крепко-накрепко, смотрел не больно-то кротко: не так, как Ананий. Все поглядывал Тимоха на старшего Селевина, словно подстрекая: «Грянем-ка на ляхов!» Но степенный Ананий только головой покачал: не побить с голыми руками столько врагов, да еще с пищальми, хотя бы и десятерым богатырям. Сзади вели стонавшую старуху-богомолку и бедную Грунюшку.

Подвели молоковских парней к Александру Лисовскому. Вынул пан кошелек с золотом, достал полновесный червонец.

– А кто из вас деньги любит? Кто золото видал?

Ни слова не ответили ему молодцы, словно не слышали; только у Оськи Селевина вспыхнул огонек в глазах.

– А кто из вас пищальной пули отвеживал? – спросил опять Лисовский, злобно посмеиваясь.

Опять молча стоят парни, будто и не им говорят. Подумал Лисовский, что больно уж оробели; заговорил хитрый ротмистр ласково:

– Не бойтесь. Я вам худа не сделаю. А вы мне за то послужите. Ведомо мне, что монахи в вашем монастыре Сергиевском не хотят нашей силе покориться. А что хорошего выйдет с того? Стены их мы пушками да пищальми разобьем, многих неповинных да слабых людей перебьем, перераним... Вы в монастыре-то бывали? Разве ему устоять супротив нас?.. Стены-то, должно, обвалились, рвы-то осыпались?..

– Про то нам ничего не ведомо, – отвечал ровным голосом Ананий. – А ежели бы мы, пан, что и знали про монастырь, тебе бы не сказали...

– Как?! – грозно крикнул Лисовский, привставая с земли. – Вы мне противничать решили! Я вас!..

– Не грози, не грози, пан, – дерзко выступил вперед Суета и так руками потрянул, что веревки затрещали.

Ротмистр сделал знак жолнерам. Десятка два пищалей уткнулись почти в самую грудь пленникам. Ананий, оглянувшись, увидел помертвевших от страха богомолку и громким окликом остановил Суету:

– Стой, Тимофей! К чему с собой слабых да неповинных губить? А ты, пан, не гневайся... Где же нам, темным, деревенским людям, про монастырскую оборону знать.

Разгневался пан Лисовский, ничего и слышать не хотел.

– Взять их! – крикнул он жолнерам.

Пан Тышкевич, слегка робея, подошел к начальнику:

– Успеем ли мы, ясновельможный ротмистр? Нам ведь надо спешить к сборному месту. А с этими упрямыми, пожалуй, долго провозимся...

– И то правда, – встрепенулся Лисовский, взглянув на солнце. – Как быть?.. Разве так сделать: оставайтесь с ними вы, пан хорунжий; возьмите десятка полтора жолнеров, да и выпытайте хоть что-нибудь у этих дерзких московитов. Я поспешу... На коней!

Быстро выстроились вышколенные солдаты, и вихрем унеслась из деревни их летучая, грозная ватага.

Пятнадцать поляков окружили четверых парней; у пищалей были зажжены фитили. Пан Тышкевич, почувствовав себя главным начальником, приосанился, нахмурился – даже побагровел еще более.

– Слушайте, негодные! – свирепо крикнул он. – Я шутить с вами не стану. Гей, взять вот этого толстого и привязать к воротам...

Но Тимофей Суета не захотел по вольной воле покориться. Кое-как вырвал он одну руку из пут и такие удары двум жолнерам отвесил, что те на землю покатались. Зашумели поляки; но стрелять не решались, чтобы своих не задеть. А тут Ананий свою стражу ловким толчком повалил.

– А, бежать?! – заревел пан Тышкевич и выпалил из пистоли в Данилу, который отскочил одним прыжком к брату Ананию, благо ноги свободны были. Чуть не задела его пуля, но все же промахнулся пан.

– Держись, ребята, выручим! – загремело множество голосов с поля, с дороги Сергиевской. Остановились все...

К деревне скакало человек двадцать конных царских стрельцов. Загромыхали пищали, секиры¹² заблестали, и мигом полегло с десятка поляков. Остальные с хорунжим прорвались и ускакали на легконогих конях.

– Слава богу, – говорил пятидесятник стрелецкий, отирая пот с лица. – Выручил я вас, братцы... На шум прискакал, да пока поляков много было, хоронился вон в той рощице. От монастырского воеводы Голохвастова я в объезд послан...

Долго благодарили парни стрельцов-молодцов.

– Живо, ребята, в обитель! – торопил их пятидесятник. – А то на выстрелы ляхи вернутся.

Посадили стрельцы парней за собою на лошадей, прихватили и богомолку и спешно направились по Сергиевской дороге.

¹² *Секира* – боевой топор с более коротким, чем у бердыша, лезвием и древком. Также церковнославянское название любого топора: слово «топор» в нашем языке более позднее. Оно заимствовано из иранских языков примерно две тысячи лет назад.

За святого Сергия!

Издавна в конце сентября, в праздник преподобного Сергия Чудотворца, сотнями и тысячами собирался народ православный в многотимую и многолюбимую обитель. Шли туда богомольцы и из окрестных сел, и из дальних деревень и городов: шли больные и убогие, шли богатые и бедные... Каждый нес свою лепту в казну обительскую, каждый шептал горячую молитву. Далеко, далеко молва шла про архимандрита Иоасафа, про келаря¹³ Авраамия, про старца Корнилия и про остальных соборных старцев, подвижников монастырских. Печальниками и молитвенниками земли русской были сергиевские отцы, а в ту годину тяжелую, в скорби и шатании всеобщем, где же и было русскому многострадальному люду искать прибежища, надежды и утешения, как не в святой обители?..

На этот раз к Сергиеву дню богомольцев собралось в обители еще более, чем в прошлые года. Одни шли постоять грудью за великую святыню русскую, другие – укрыться за могучими стенами, благо царь Василий Иоаннович догадлив был: укрепил ограду обители и высокие башни, прислал пушек и пищалей, наряду воинского и верных людей.

Еще не рассвело, но уже над высокими стенами монастырскими стоял громкий гул; не спалось богомольцам, да и спать-то негде было: за множеством пришедшего народа не хватило ни странноприимных келий¹⁴, ни монашеских. Старики, дети с матерями, больные и здоровые, лежали на голой земле под осенним дождем; слышался плач, раздавались стоны в предутренней тьме...

Не до сна было и монахам, немало забот было у отцов. Совсем не ложился на свое скудное иноческое ложе и архимандрит Иоасаф. Всю ночь молился он в своих покоях.

Бледный свет от теплящихся лампад озарял благообразное кроткое лицо старца; ничего похожего на страх или уныние не было на этом лице. Порою вставал он с колен, подходил к узкому окну, прислушивался к гулу толпы и шептал горячую молитву за этот люд православный, что вверился святой обители, отдался под защиту Сергия и Никона, святителей троицких.

Закрадывались в многодумную голову архимандрита и иные мысли. Вспоминал он о своем друге и помощнике, келаре монастырском, Авраамии Палицыне.

«Мудр и велеречив отец келарь; авось постоит он за нашу обитель перед царем да боярами; авось пришлют с Москвы еще подмогу, – размышлял отец Иоасаф. – Не покинут же нас на погибель. К тому же у отца келаря взята с собой и казна знатная, и хлеба он запас вдовсталь на нашем подворье московском. Есть чем царю Василию услужить, есть за что и подмоги попросить. Одно худо: пишет отец Авраамий, что и сама Белокаменная ненадежна. Ну да это пустое: Господь того не попустит. Скоро ль вздохнешь ты полегче, земля русская? Скоро ль изгоним мы врагов лютых?»

И снова погрузился архимандрит в молитву. Бледный свет наступающего дня уже проникал в окошко; все громче и громче становился гул народной толпы; изредка в этот гул врывался дальний, зловещий, звонкий рев вражеских труб.

Тихо отворилась дверь, и мягкими, неслышными шагами вошел в покои невысокий тучный монах, сотворив отцу Иоасафу уставный поклон.

– С чем пришел, отец казначей? – спросил архимандрит, вставая с колен.

– Худые вести, отец архимандрит! – жалобным, пугливым голосом ответил блюститель обительской казны, отец Иосиф Девочкин.

¹³ Келарь – в монастыре ближайший помощник его главы – настоятеля. Келарь заведовал разного рода монастырскими припасами и вообще светскими делами монастыря.

¹⁴ Келья (иногда пишется келия или келлия) – жилище монаха: комната в общем (братском) корпусе или отдельно стоящий домик. Слово греческого происхождения: келлион означает чулан или комнатка с оттенком уничижительности.

– Да будет воля Божия. Что стряслось?

– Да не знаю, как и быть, просто голова кругом идет! Богомольцев-то, отец архимандрит, сколько в обитель набралось! Все келии заняты, все сараи, сенники и амбары... На земле впопалку лежат – ступить негде.

– Это, что ль, беда, отец казначей?

– Вестимо!.. Чем их поить-кормить будем? И к бою-то годных из них всего треть будет; а то все бабы да ребята, старые да убогие. С этакой силой не одолеть нам ляхов... Надо бы, отец архимандрит, усювестить их: пусть уходят из обители...

Легкая грустная улыбка показалась на бескровных губах отца Иоасафа.

– Не властен я, отец казначей, порешить это дело без собора старцев обительских. Обожди, вон уж они собираются.

Один за одним входили в покои старцы в черных мантиях¹⁵ и клобуках¹⁶. Были между ними подвижники древние с тяжкими веригами¹⁷ под иноческими одеждами, были и крепкие, сильные телом иноки, выдавшие много на своем веку, поработавшие и на полях ратных мечом, послужившие и для дел государских мудростью. После трудного пути житейского ушли они от мира, но крепко печалились о родной земле и готовы были послужить ей личным опытом. Благословясь у отца-архимандрита, расселись старцы на высоких сиденьях вокруг своего пастыря, печальные, молчаливые.

– Братия! – начал отец архимандрит. – Настала для обители година суровая... Обложила нас кругом рать ляшская, пришла пора постоять за веру, за царя и за землю родную. Отцы – помощники мои, споспешники мои – не оставьте меня, недостойного, советом да поддержкой вашей!

И, встав, отец Иоасаф в пояс поклонился братии.

– Допрежь всего, старцы, о богомольцах рассудить надо. Вот отец казначей говорит, что много лишнего народа набралось в стены обительские... Давать ли нам пристанище слабым, больным, женам, детям, старикам дряхлым?

Переглянулись соборные старцы, а затем обратили взоры на отца Корнилия, что рядом с архимандритом сидел. Служил в былое время старец Корнилий в царской рати, светел был разумом и опытен.

– Святой Сергей не отвергал злосчастных, – вымолвил коротко отец Корнилий, и просветлели сумрачные лица иноков, и в безмолвном согласии наклонили свои черные клобуки все до одного.

– Слышал, отец казначей? – спросил архимандрит. Отец казначей склонил покорно голову.

Послышались у входа твердые, быстрые шаги, зазвенели мечи, и вошли в покои монастырские воеводы: дородный и высокий князь Долгорукий Григорий Борисович и приземистый Алексей Голохвастов. Первый улыбался, второй хмурился. Благословились воеводы...

– И мы к вам, отцы, на совет, – молвил князь, – ляхи кругом всей обители туры понаставили: на Волкуше-горе, в Терентьевской роще, на Крутой горе, на Красной горе, в Глиняном овраге... Скоро гроыхать начнут из пушек да пищалей...

– Совсем обложили, – сказал, вздохнувши, Голохвастов.

¹⁵ *Мантия* – широкая длинная одежда без рукавов в виде накидки или плаща. Черную мантию носят монахи, и она является их отличительным знаком. Епископам полагается особенным образом украшенная фиолетовая мантия, а патриархам – такая же зеленая. Выражение «постричь в мантию» означает принятие полного монашеского обета. Слово заимствовано из греческого языка: мантион по-гречески означает плащ или покрывало.

¹⁶ *Клобук* – головной убор монаха: в старину в виде капюшона, концы которого свисали спереди и на спину, в более поздние времена и ныне покрывало, надеваемое поверх камилавки – шапки, несколько расширенной сверху (клобук – отличительный знак священнослужителей, являющихся монахами, – иеродиакон и иеромонахи, а также епископы).

¹⁷ *Вериги* – по церковнославянски узы, оковы. Некоторые подвижники благочестия, особенно монахи и юродивые, носили под одеждой железные цепи, замки и т. п. предметы в знак смирения перед Господом.

– Я, отцы праведные, все башни сегодня крепким дозором обошел, пищали да пушки порасставил, ратных людей на места отрядил, – рассказывал князь Долгорукий. – Кажется, все в порядке. Силы только у нас маловато, кликнуть надо бы богомольцев да послушников, кои помоложе... Благословите, отцы!..

– Сами за тобой пойдем, воевода! – вскричал, поднимаясь с места, отец Иоасаф. – А из богомольцев давно уж немалое число на стены просилось. Присылали ко мне некоего молодца, чтобы их на богоборцев идти благословил...

– Исполать тебе, отче! Приумножится сила наша, отобьем ляхов от стен...

– Нелегкое дело, – прервал сотоварища воевода Голохвастов, выступая вперед. – Велика ли подмога от мужиков да от послушников? К оружию непривычны, оробеют в бою...

– Не грехи, воевода! – молвил старец Корнилий. – За веру, за обитель святую всяк на смерть пойдет...

Гул прошел по толпе послушников и пришлых людей, что стояли у дверей открытых близ порога и жадно ловили каждое словечко.

– Не оробеем!..

– Веди, воевода...

А из самой толпы выступил Ананий Селевин, земно старцам поклонился:

– Отцы и воеводы! Первый на ляхов иду. Не обидел меня Бог мощью и духом... Благословите!..

– Я тебе говорил, воевода, – молвил князю Долгорукому архимандрит. – Вот молодец тот...

– Ладно, парень, приходи ко мне! – потрепал по плечу Анания князь, любуясь его осанкой богатырской.

– Благословите, отцы, слово молвить! – заговорил дальше Ананий. – Все отца архимандрита молим, пусть нас на стены пошлет. Коли стар человек али немощен – все ж силы у него хватит на ляхские головы камень сбросить, врага кипучим варом обдать. Кого поранят, за тем жены и дети ходить будут... Все в святой обители на свое дело пригодятся...

Отец архимандрит, светло улыбаясь, благословил молодца.

– Разумно твое слово, чадо, всем, всем свое благословение даю – постоять за обитель-матушку... Вызволим ее из осады ляхской!

Отошел Ананий к дверям, поклонившись в ноги старцам. Начал воевода, князь Григорий, опять про ограду обительскую да про свою силу ратную:

– Укрепил я, отцы, на диво монастырские башни. На Водяной да у ворот Красных поставил я отборных пушкарей. На Плотнишной тоже стоят воины не хуже. Так же и на Келарской башне...

Речь воеводы прервал спешно вбежавший сотник стрелецкий, Лешуков Степан, из передовой сторожевой сотни.

– Отцы и воеводы! – крикнул он. – Посланец от ляхов!

Всколыхнулись все; князь-воевода приосанился.

– Пусть войдет... Поглядим, что скажет.

Расступилась толпа и пропустила в покои высокого широкоплечего воина в ляхском панцире и шлеме, с кривой саблей на боку. Не по себе было послу, косился он с опаской на послушников и богомольцев.

– Благослови, отче, – молвил он архимандриту, снимая шлем. – Православный я...

– А ляхам служишь! – вздохнул, благословляя его, отец Иоасаф.

Промолчал пришелец, только брови сдвинул.

– С чем послан? – спросил князь Долгорукий.

– Послан я, сын боярский Бессон Руготин, к вам, иноки обительские, и к вам, воеводы, от пана гетмана литовского Петра Сапеги да от пана Александра Лисовского с грамотами. Нас

великая сила стоит под монастырскими стенами. С панами Сапегой да Лисовским пришли: князь Вишневецкий Константин, четверо панов Тышкевичей, пан Талипский, пан Казановский, князь Горский, да атаман донской Елифанец. А ратных людей, с пушками и иным огнестрельным боем, жолнеров, казаков, немцев, татар и русских – три десятка тысяч будет. Покоритесь, иноки...

– Давай грамоты! – сурово крикнул князь Григорий.

Толпа зашумела, понадвинулась; замолк, озираясь пугливо, ляхский посланец, вынул из сумки грамоты, подал князю и архимандриту. Стихли все, безмолвно понурились в ожидании иноки...

Отец Иоасаф читал ляхское послание без гнева и волнения; князь-воевода то и дело кусал губы, хмурил брови, и дрожал, как от ветра, в его руках ляхский лист.

– Ах, злодеи! Чем похваляются! – загремел он во всю широкую грудь. – Слушайте, отцы, слушай, народ православный!.. Пишут ляхи нам, воеводам, – покоритесь-де вору Тушинскому... Именуют его сыном царя Иоанна... Сулят нам: коли сдадим обитель, будем-де наместниками Троицкого града, владетелями богатых сел. А ежели супротивничать будем, падут-де наши головы...

Пуще прежнего загудела толпа; кое-кто уж к Бессону Руготину подступил.

– Стойте! – властно молвил архимандрит. – Поведаю и я, что ляхи инокам пишут... Сулят они обители великие милости от царя Димитрия и от царицы Марины! От еретички-то¹⁸ ляхской!..

Не выдержал степенный отец Иоасаф – и отплюнулся при этом имени, которое вся Русь проклинала. Заволновались и все иноки: иные крестное знамение творили, иные тоже с гневом отплевывались.

– Многим еще нас прельщают ляхи нечестивые... Ужели поддадимся соблазну, отцы и миряне?..

Старцы поднялись со своих мест; крики раздались у дверей:

– За обитель-матушку!

– Постоим! Живот свой положим!

– Бейте ляхского посланца! Бейте перебежчика!..

Дюжий послушник железной рукой схватил за ворот Бессона Руготина, десятки других рук потянулись к побледневшему, трепещущему боярскому сыну. Еще миг один, и конец пришел бы ему.

– Прочь! Слушайте воеводу!

Смутилась и остановилась толпа от грозного окрика князя Григория. Воевода собой заслонил Руготина.

– Не дело, братцы! Посланцев негоже убивать да калечить. К тому же он и нам пригоден будет: есть с кем ответ ляхам послать. Отходи, молодцы!

Воеводу послушались.

– Отец архимандрит, есть ли в обители инок, в письме искусный? Надо отписать ляхам.

– Отец Гурий, вспомни-ка старые года, – подозвал архимандрит высокого худого инок.

Старец Гурий молча подошел к воеводе.

– Ты, отец Гурий, про то ляхам отпиши, что попусту они нас прельщают. Да укори их побольнее да посердитее, чтобы поняли нехристи, что никто их здесь не боится.

– Отпишу как следует, воевода, – ответил инок князю Долгорукому. – Не впервой мне грамоты писать; послужил я в приказе Посольском¹⁹ при царе Иване.

¹⁸ *Еретичка* (в мужском роде еретик) – приверженцы ереси, то есть какого-либо осужденного Церковью ложного учения. Слово «ересь» (по-гречески «айресис») первоначально означало выбор. Позже оно стало пониматься как разномыслие или заблуждение.

¹⁹ *Приказ* – название учреждений в Московской Руси, которым от государя было вверено (приказано) ведать той или иной

– Дело! – весело сказал князь. – А теперь, отец архимандрит, по мне вот что сделать: пойдём-ка прочтем всему народу, что нехристи пишут... Пусть знают православные все коварство прельщения ляхского... Эй, сотник, ты посланца-то вражьего побереги – как бы его не изобидели наши...

Совсем уже рассвело, когда вышли из покоев архимандрита старцы да воеводы. Еле пробирались они сквозь густую толпу богомольцев; народ знал уж, что ляхи грамоту прислали, и валом валил за властями обительскими. Отца Иоасафа со всех сторон обступили, лобызали ему руки, целовали полы его рясы. Гудела встревоженная толпа: что-де будет?..

С наступлением дня богомольцы кое-как разместились, пристроились по всем уголкам обители. Под навесами, под лестницами, в клетушках да амбарах – везде люди гнездились. Близ церкви Троицы Живоначальной, в уголке, приютилась и старуха-богомолка из села Здвиженского с дочкой Грунюшкой. Который раз принималась старуха рассказывать православным людям, как спас ее с дочкой Господь от рук вражеских...

– Как загремели пищали, как зазвенели мечи, тут я – спаси господи! – сомлела совсем, глаза закрыла... А взглянула потом – вижу, гонят наши стрельцы ляхов... Дай им Бог здоровья, нас взяли, не забыли...

– Матушка, – перебила ее Груня, – да оставят ли нас в обители? Ночью, слышь, говорили, что негодного народу набралось много. И то – что с нас толку?..

– Полно, девушка, не кручинься, – ласково сказал Ананий Селевин, подходя к ним. – Эй, православные, – крикнул он богомольцам, – соборные старцы так положили, что никому отказу не будет, никого из обители не прогонят. Ради святого Сергия всем приют и защита будет...

Матери с грудными детьми, старики да больные, что совсем было приуныли, ободрились при доброй весточке. Все иноков благословлять начали...

– Сохрани, Боже, обитель святую!

– Помоги, Господи, архимандриту да старцам.

Радостно улыбнулся Ананий и дальше пошел – туда, где медленно двигалась черная вереница иноков. Выше всех головою был богатырь молоковский; умиленным, благодарным взглядом проводила его Груня.

Загремел большой колокол, мощно призывал его могучий голос православный люд, сулил он надежду, сулил крепкую, нерушимую оборону. Каждая рука подымалась сотворить крестное знамение, молитва сама из сердца шла.

На паперти²⁰ большого храма издалека виднелась черная мантия архимандрита Иоасафа; блеснул в его высоко поднятой руке серебряный крест.

Притих народ, смолкли люди обительские, внимая пастырскому слову. Ближние передавали дальним – так расходилась речь архимандрита по всей обители.

– Слышь, Грунюшка, – ловила бегучие толки старуха. – Хотят нас ляхи нечестивой царице Маринке отдать!..

– Сгинь она совсем! – вмешался седой купец. – Бесам она свою душу продала. Колдунья она, оборотень. Когда мы на Москве Самозванца казнили, в ту пору, православные, обернись Маринка совой серой – и в окно из дворца улетела!..

– Ишь ты, нечисть какая! – крестясь, буркнул посадский. – Так и не поймали?..

– Прямехонько в Тушино пустилась, злодейка. Она же и надумала самозванца-то нового...

областью государственного управления. Приказ Посольский ведал взаимоотношениями с другими государствами, приемом их послов, отправлением своих за границу и т. п. делами.

²⁰ Паперть – площадка перед входом в храм, чаще всего со ступеньками. Иногда паперть бывает под навесом или же представляет собой небольшой притвор, со стенами и крышей.

– Гляньте-ка, гляньте! – зашумели кругом голоса. – Это никак воеводы на паперть вошли... В самую церковь идут...

– Крест пошли целовать, – отвечали ближние к паперти...

– Чтобы без измены в осаде сидеть...

– Над мощами угодника Божьего крест целуют.

– А доблестен князь-воевода!

– Не впервой ему! Не выдаст обители!

За воеводами начали входить в церковь для крестного целования низшие начальники – сотники, есаулы... Потом потянулись стрельцы, дети боярские, пушкари, казаки верные – и простой народ туда же валил...

А колокола обительские гремели все звончее, все радостнее, словно ликовали: есть-де кому нашу обитель-матушку оборонять, отстаивать...

Добрались до церкви и молоковские молодцы. Ярко горели глаза у Тимофея Суеты, у Данилы, у Анания; только Оська Селевин словно бы скучен был, глядел он все в землю.

Вот пахнуло на них ладаном²¹, засверкали пред иконами лампадки и свечи; вот и рака²² святителя... Взял Ананий крест из рук инок и молвил:

– Братья, товарищи, святой крест целую, нерушимую клятву даю – и за себя и за вас! Не изменим обители!

Истово крестясь, сотворили целование и Данила и Тимофей. После всех Осип Селевин приложился... Темновато было в храме, а то приметили бы, что побледнело в тот миг его лицо, скривились тонкие губы...

Шумела и радовалась толпа богомольцев, гудели колокола. В покое отца Иоасафа старец Гурий вручал Бессону Руготину ответную грамоту за печатью архимандрита. И в самом начале той грамоты таковая отповедь ляхам значилась: «Да весть ваше темное державство, гордии начальницы Сапега и Лисовский, и прочая ваша дружина, векую нас прельщаете, Христово стадо?... Богоборцы, мерзость запустения, да весте, яко и десяти лет христианское отроча в Троицком Сергиевом монастыре посмеется вашему совету безумному, а о нихже есте к нам писаете, мы, сия приемше, оплевахом. Кая бо польза человеку возлюбити тьму паче света?... Но иже всего мира не хошем богатства противу своего крестного целования...»

Видно, не забыл старец Гурий, как грамоты пишут: пристыдил и опозорил он ляхских начальников...

²¹ *Ладан* – душистое вещество (застывшая смола растений Ливана и других южных стран). Ладан сжигается на углях в особых сосудах, подвешиваемых на цепочках (кадилах). Его благовонный дым знаменует возносимую нами молитву ко Господу.

²² *Рака* – гробница, обычно богато украшенная, с мощами того или иного святого.

В польском стане

Разноязычный, шумный говор перекачивался по стану вражьему, что раскинулся за турами, рвами да валами земляными вокруг Троице-Сергиевской обители. Крепко оскорбились ляхи той грамотой, где иноки их пристыдили и опозорили, и с того самого дня работали, рук не покладая: землю рыли, туры готовили, валы насыпали. Так спешили, что к третьему дню октября месяца была святая обитель крепко-накрепко заперта непроходимым кольцом. Между турами чернели жерла пушек, словно ждали их медные пасти, когда им изрыгнуть с огнем и дымом каленые ядра в монастырские стены. Но польские военачальники еще хотели войску передышку дать. Пока молчали пушки и на Волкуше-горе, где стояли полки Сапеги, и на опушке рощи Терентьевской, где разбил свои таборы хищник-удалец – пан Александр Лисовский.

Был уже полдень. К стану Лисовского скакал на лихом коне черноусый воин в красном кунтуше²³, в красной заломленнойверху шапочке с соколиным пером. Не доезжая до ставки пана Лисовского, всадник услышал в роще, в самой чаще тенистой, веселые крики и звон кубков и чаш. Пришпорив скакуна, нарядный воин помчался туда.

Пан военачальник Александр Лисовский пировал с приятелями, расположившись на дорогих коврах вокруг бочонков с вином и наливкой.

– А! Пан ротмистр Костовский! – вскричал он, увидев вновь приехавшего. – Просим к нам... Кубок вина!

Ротмистр Костовский, приближенный гетмана литовского, ловко соскочил с лошади.

– Я к вам от пана гетмана, пан Лисовский.

– Чем могу служить его ясновельможности?

– Пан гетман скоро сам сюда будет. Он хочет с паном полковником совет держать...

Александр Лисовский, идя на монастырь, в надежде на богатую добычу собрал такую многочисленную рать, что сам себя переименовал из ротмистров в полковники.

– Совет? Чего тут советоваться! Грянем на монахов – и все!..

– Взгляните-ка на эти стены, пан полковник... – И Костовский указал на просвечивающие сквозь чашу башни и зубцы твердыни обительской. – Там ведь, как говорят, и пороху довольно, и пушкарки искусные...

– Пустое, пустое, пан Костовский! Вот постреляем день-другой, оглушим-напугаем черноризцев, а там и на приступ... Я первый на стенах буду!..

– И мы ни на шаг от пана полковника! – закричали собутыльники Лисовского, и громче всех – пан хорунжий Тышкевич, через меру выпивший.

Ротмистр Костовский присоединился к пирующим. В серебряные кубки и в хрустальные бокалы полились венгерские и фряжские вина, зашипели русские меды, награбленные наездниками по монастырям и боярским палатам. Вольные шутки, хвастливые речи, несдержанный смех оглашали тихую рощу, где доселе звучал лишь псалом благочестивого прохожего инока да эхо монастырских колоколов. Эти колокола и теперь неустанно гремели, но заглушал их буйный говор иноплеменной рати.

Вскоре с шумом и звоном оружия подъехал к роще и сам гетман литовский Петр Сапега со свитой. Важный, толстый вельможа с длинными висячими усами, с горбатым носом, с высоким нахмуренным челом, поддерживаемый слугой, слез с коня.

– Vivat, гетман! – закричал Лисовский, спеша навстречу гостю с полным кубком в руках.

– Vivat! Vivat! – повторили гости.

²³ *Кунтуши* – у поляков вид мужской одежды: кафтан с откидными рукавами, спереди обычно незастегнутый и надеваемый поверх жупана. Кунтуши чаще всего шились из дорогих тканей, богато украшались и отделывались мехом.

Сапега выпил большой кубок венгерского, отер усы и обратился к пану Лисовскому.

– Не начать ли нам пальбу, пан полковник?

– Начнем, пан гетман, начнем! Только наперед отведайте этого меду; а потом пойдем и на окопы...

Ясновельможный не заставил себя просить и отдал-таки честь московскому старому меду.

– Готовы ли ваши люди, пан полковник?..

– Сами увидите, пан гетман... Еще кубок...

Выпивши вдоволь, веселые, с багровыми лицами, со сверкающими глазами паны вскочили на коней и понеслись к турам. Завыли сигнальные трубы...

Александр Лисовский любил повеселиться, но и ратное дело хорошо разумел. Не раз похвалил его Сапега за возведенные валы и туры. И жолнеры полковника хоть и подгуляли с утра, а все же быстро и стройно сомкнулись у своих значков. Пушки были давно заряжены, прислуга стояла с готовыми запалами.

Полковник Лисовский, бойко позванивая шпорами, повел гетмана к большому срединному укреплению, которое было возведено напротив Водяной башни. Целыми горами были навалены высокие, крепкие туры, и в широкую бойницу высовывалась огромная, старинная, позеленевшая медная пушка.

– Взгляните, пан гетман. Такой пушки у вас, наверное, не найдется, – похвалился полковник. – Ее взял еще наш славный герой Стефан Баторий, когда осаждал Псков. Вот тут пониже вырезано ее имя по московскому обычаю.

Гости с любопытством осматривали огромное орудие. На крепком медном устое славянскими литерами вырезано было – «Трещера».

– Посторонитесь, панове! – крикнул Лисовский. – Сейчас пошлем ядро монахам.

Рыжий пушкарь умело и ловко навел Трещеру и поджег затравку. Пушка хрипло громыгнула – чугунное ядро, засвистев, ударилось в каменный пояс монастырской башни и глубоко засело в ней.

– Хорошо намечено! – воскликнул Сапега.

– Какова пушка, таков и пушкарь! – заметил хвастливо полковник, указывая на рыжего воина, на лице которого изобразилась хищническая радость...

– Монахи отвечают...

Действительно, на Водяной башне показался белый клуб дыма. Ядро засело в передовые польские туры.

– Пан полковник, начинайте пальбу из всех пушек и пищалей, – сказал Сапега. – Мои тоже начнут...

Один за другим выстрелы слились в непрерывный гул, который еще увеличивался густым звоном обительских колоколов.

Словно сотни огромных, дымных змей поползли со всех сторон к стенам и башням. В ясном осеннем воздухе эти дымные змеи колебались, перекрещивались, сливались, таяли; на место их ползли из окопов новые. Со стен тоже заструились бело-дымные полосы – обитель отстреливалась. Колокола гудели по-прежнему.

– Славная музыка! – ликовал Лисовский. – Смотрите, панове, сейчас опять грянет Трещера.

Пушка громыгнула, и один из зубцов Водяной башни, разбитый ядром, посыпался вниз пылью и осколками.

– Vivat! – крикнули паны. Пальба звучала беспрерывно.

– Еще по кубку венгерского, панове! – предложил Лисовский, махнув рукой своей челяди²⁴. – Под ядрами оно вкуснее.

– Откуда у вас этот пушкар, пан полковник, – спросил Сапега в то время, как им расстилали ковры под защитой тур. Гетман давно уже любовался рыжим стрелком.

– Долго рассказывать, пан гетман. Он родом с Литвы, что-то там сделал, напроказил и просил у меня приюта. Я его испытал – вижу: в военном деле великий мастер... Во всех походах со мной был... Скажу по правде: много у меня верных людей, а вернее Мартыяша нет!

– А если он убийца, святотатец?²⁵ – улыбаясь, сказал Сапега.

– Какое мне дело до этого? Уж не думаете ли вы, пан гетман, что я боюсь суда? Ха-ха-ха!

– Удалец вы, пан полковник!

Шумную и веселую беседу польских военачальников прервал опрометью примчавшийся гонец из стана Сапеги. Конь его был весь в мыле.

– Ясновельможный пан гетман! – крикнул гонец, еле-еле отдышавшись. – На казаков напали московиты!

– Бредишь, пан Велемоский! – воскликнул Сапега, вставая поспешно с ковра. Повскакали и остальные.

– Правда, пан гетман! Они словно из-под земли выросли там, у пруда, где наши туры стоят; так и посыпались из глубокого оврага. Теперь резня идет...

– На коней, товарищи! Выручим казаков, а то эти трусы сейчас разбегутся... Живей!

По одному знаку Лисовского отборная сотня его гусар через мгновение мчалась уже за своим полковником и за гетманом.

Место схватки было недалеко. Удальцы обительские прокрались по глубокому Сазонову оврагу, что начинался у самых стен, и с тылу нагрянули на беспечных казаков атамана Епифанца. Схватка еще длилась. Паны увидели с полсотни рослых молодцов, которые, сжавшись в плотную кучку, отстреливаясь и отбиваясь бердышами²⁶, отступали к оврагу; видимо, воины монастырские спешили укрыться под защиту выстрелов со стен и с Плотнишной башни. Лисовский и Сапега сразу заметили, что побоище было нешуточное: три-четыре пушки были попорчены, туры – опрокинуты и изрублены; груда казачьих тел чернела у окопов.

С яростными криками понеслись поляки к месту схватки, наклонив длинные, острые копья.

– Приналяг, братцы, напоследок! – зычно окликнул своих богатырь Ананий Селевин, что впереди всех бился.

Не отставали от Анания Данила и Осип; рядом с ними держался и Тимофей Суета с тяжелой пищалью в руках; были тут и Павлов Семен, из послушников, и Айгустов Меркурий, пушкар, и Пимен Тененев, и другие ратники обительские.

– Пальнем разом, братцы! В коней меться!

Разумен был совет сметливого Данилы Селевина. Уж близко были ляхи, кони их, что стрелы, неслись; еще немного – и смяли бы они пеших защитников монастыря. Но как грянули разом пищальные выстрелы – мигом вздыбились передние кони, попадали, задним путем загородили. А пока гусары ляшские справлялись со скакунами, смельчаки в овраг соскочили и перебрались через кусты и камни на другую сторону.

Пан Лисовский бранился и проклинал всех, лежа под своим убитым скакуном, который, упав, отшиб и придавил ему ногу. Гусары поспешили к нему на помощь.

– Вперед! В погоню! – бешено закричал он, с трудом влезая на нового коня.

²⁴ *Челядь* – в старину собирательное название свиты и слуг какого-нибудь знатного и влиятельного лица.

²⁵ *Святотатец* – в более узком смысле преступник, что-либо похитивший в церкви (древнерусское тать означает вор). В более широком смысле святотатством называется оскорбление или поругание святыни.

²⁶ *Бердыш* – оружие: широкий и длинный топор на длинном топорнице. Поставленный у ног бердыш верхним концом своего лезвия был на уровне головы воина.

– Пан полковник, нельзя идти прямо под пушки, – заметил ему гетман.

Несколько ядер, пущенных со стен, ударились неподалеку. Кучка удалцов бегом пробиралась к монастырю, изредка оборачиваясь и грозя врагам. Лисовский с гневом глядел им вслед.

– Ну, пан гетман, тогда осмотрим наши потери...

Отряд вернулся к полуразрушенным турам. Казаки уже убрали тела убитых товарищей; те, которые ударились в бегство при неожиданном нападении, теперь возвращались нехотя, пристыженные. Атаман Епифанец, смуглый, седоусый, с густым чубом, завернутым за ухо, сумрачно помахивал раненой рукой.

– Эй, атаман! – крикнул ему гетман. – Вы москалей-то проспали, что ль?

– Малость загуляли молодцы, пан гетман. А те невесть откуда взялись. Мне тот, передний-то, чуть руку не отсек...

Сапега нахмурил брови и глазами сверкнул. Но больше не стал ясновельможный упрекать и бранить казацкую вольницу: знал он, что коли захотят казаки, то сейчас уйдут, – грабить-то да разбойничать везде можно.

Тем временем Лисовский осматривал попорченные пушки. Вдруг из-под одной из упавших тур послышался стон раненого. Полковник нагнулся...

– Эге, остался один! – радостно воскликнул он. – Сюда, товарищи, – пленник есть...

Казаки и гусары бросились на призыв полковника. Из-под сломанной туры вытащили молодого монастырского воина. Голова его была рассечена ударом казацкой сабли; по бледному лицу текли ручьи крови; он едва мог держаться на ногах, но глядел прямо в лицо врагам, смело и бестрепетно.

– Кто ты? – спросил, грозно приступая к нему, Лисовский.

– Слуга обительский, Лешуков Иван, – твердо ответил тот.

– Ты был с этими, что на нас налетели?

– Был и вон ту пушку я топором разбил...

Пленник указал на большую поломанную пушку и радостно улыбнулся, глядя на сурового пана.

– А ведомо тебе, сколько в обители ратных людей?

– Ведомо, только про то я вам не скажу.

Лисовский взбесился и ударил пленника по лицу.

– Шутки шутить вздумал? А пулю в лоб?!

Пошатнулся Иван Лешуков от удара, еще сильнее заструилась кровь из раны его; но, как прежде, остался он светел и тверд лицом...

– За веру православную, за обитель святую готов я принять венец мученический... Стреляйте, ляхи...

– Я тебя в смоле сварю!.. Я тебе бороду по волоску вырвать велю! – бешено закричал полковник.

– Твоя воля, пан. Все снесу, а от меня слова не дождешься...

Пленник прислонился к соседней туре и умолк. Польские солдаты бросали на него свирепые взгляды, но казаки посматривали на удалца ласково – по сердцу была им его отвага и смелость.

– Взять его в мой стан, – велел полковник. – Там из него мой Мартыаш что хочешь вытянет. Не железом, так огнем доймаю – он свое дело знает... А нам, пан гетман, пора и пообедать после такой скачки.

С привязанным к седлу пленником отряд снова полетел к стану Лисовского. На этот раз полковник пригласил гостей в свой шатер, что был разбит за холмом на опушке рощи. Под просторным полотняным наметом были навалены целые груды награбленного добра. Тут были

боярские кафтаны и ферязи с золотыми застежками, и женские летники²⁷, и кокошники, расшитые жемчугом, и блюда серебряные, и драгоценные оклады со святых икон, сорванные безбожными руками... Сверкало насечкой и резьбой разное дорогое оружие, в кучу были свалены шлемы, кольчуги...

– Вы запасливы, пан полковник, – сказал Сапега.

– Все военная добыча, пан гетман. За все литовские жида чистыми червонцами запла-
тят...

На зов полковника явились проворные, нарядные слуги в красных с золотом жупанах²⁸. Они несли блюда, кубки и бокалы. Звон серебра, золота и хрусталя наполнил шатер; грохот пушек и перезвон монастырских колоколов доносились лишь как отдаленные раскаты грома. Перед гордыми, веселыми панами появились пироги с дичиной, жареное мясо, вареные овощи. Полные медом и вином фляги стояли целыми рядами.

– Настоящий пир, пан полковник! – воскликнул Сапега.

– Как же иначе? У меня пан гетман в гостях...

Но пирующие недолго обменивались любезностями – рты скоро были заняты приятной работой. Привыкшие к военной жизни паны угощались так же весело и беззаботно, как будто бы где-нибудь в замке, на родине.

– За нашу добычу и на погибель монахам! – провозгласил хозяин, поднимая кубок с венгерским.

– За добычу! – отвечали хором алчные наездники.

– А пленник, пан Лисовский? – спохватился через некоторое время Сапега.

– Пленник в хороших руках, панове. Теперь уже он наверняка заговорил, – полковник злобно усмехнулся.

Полы шатра слегка раздвинулись, показалось хитрое лицо пушкаря Мартыяша – рыжий литвин несмело вошел к пирующим; его маленькие глазки смущенно бегали по сторонам; он униженно и лстыиво кланялся.

– Ну, что пленник? – крикнул ему Лисовский.

– Ясновельможный пан полковник, – запинаясь, хриплым голосом начал Мартыяш. – Я не виноват!

– Что случилось?

– Этот московит, пан полковник... Он был такой несговорчивый... Я его кольнул раза два кинжалом, а он...

Литвин перевел дух и опять начал кланяться...

– Говори! Говори! – наперебой закричали гости.

– А он, ясновельможные, упал... И гляжу – уж не дышит!..

Лицо полковника побагровело от гнева. Он вскочил с места и схватился за свою кривую саблю. Но Мартыяш рухнул к его ногам и завопил:

– Не гневайтесь, пан полковник! Этот москаль был простой жолнер... Он ничего не знал! Я сам разужаю все что нужно ясновельможным панам. Только повелите, пан полковник...

Лисовский так же скоро успокоился, как вспылil. Он выпил кубок меду и вопросительно взглянул на рыжего литвина. Мартыяш, почуяв, что опасность миновала, стоял уже на ногах.

– Ясновельможные, – заговорил он уже смелее, с хитрой улыбкой, – клясться я не буду, да моей клятве даже ни один ксендз не поверит... А скажу вам попросту: отсыпьте мне сотню червонцев, и я монастырь возьму. Пан полковник давно знает Мартыяша, частенько я ему при-
годен был...

²⁷ *Летник* – верхняя одежда русских женщин, надеваемая поверх рубахи, чуть более короткая, застегивающаяся спереди и имеющая длинные и широкие рукава. Летник был самой нарядной частью одежды и обычно богато украшался.

²⁸ *Жупан* – на Украине и в Польше род мужской одежды, длинный (ниже колен) кафтан, часто с нашитыми на груди петлицами. Поверх жупана носили кунтуш.

– Говори дальше! – сказал Лисовский, видя, что хитрый литвин ждет ответа. – Двести дукатов получишь.

– Верю слову пана полковника... Ясновельможные паны, может, не знают, что я служил в войске королевском, как король Баторий Псков брать хотел. Был я при немце, что королю окопы строил и под псковские стены да башни порох подкладывал. Научился я у немца, как подкопы вести, и готов вам, ясновельможные паны, той наукой услужить. Давно уж у меня эта дума была, с той поры как мы здесь станом стали... И место я уж высмотрел, ясновельможные: всего лучше под угловую башню подкопаться; ветха башня, еле держится...

– Дело говоришь, – сказал весело Лисовский. – Вот тебе для начала! – и бросил литвину горсть дукатов.

– А если ясновельможные про силу монастырскую знать хотят, – продолжал Мартыаш, пряча дрожащими от алчности руками золото, – так и в этом я им служить готов. Речь московская мне знакома; прикинусь перебежчиком, все узнаю, все высмотрю... Ночью в монастырь наших жолнеров впушу... Эх, ясновельможные паны, и не такие дела на своем веку дельвал рыжий Мартыаш! Только добычей не обидьте...

Жадно слушали пушкаря паны, и весельем горели их глаза, затуманенные медом да венгерским.

– Завтра же подкоп ведем! – воскликнул Сапега и тоже Мартыашу горсть дукатов отсыпал. – А потом и в монастырь тебя пошлем. Правда, пан полковник?

Лисовский, радостный и довольный, хохотал, взявшись за бока.

– Лихо! Лихо, пан гетман! Каков у меня Мартыаш?

И опять пошла панская попойка, песни зазвучали; начали паны лобызаться, друг друга со скорой победой и добычей поздравлять. Крик и шум стоял в шатре.

А с окопов все сыпались в стены и башни обители ядра, все ревели, как звери голодные, польские пушки со всех сторон. Обитель словно плавала в облаках дыма порохового, отстреливаясь от врагов; и непрерывно, стойко, громко и торжественно гудели с колоколен обительских большие и малые колокола...

В огне

Третий день настал с тех пор, как заговорили польские пушки, а все не умолкал их дикий рев, все изрыгали их медные жерла огонь, дым и чугун. Хуже всех приходилось тем монастырским пушкарям, что засели на Водяной башне, напротив злой пушки Трещеры. Но и тут явное чудо свершалось, хранил святой Сергей своих воинов: ядра сбивали зубец за зубцом, вонзались в каменную толщу стен, но народу били немного; да и башня, хотя вся тряслась и осыпалась, а трещин не давала... Пробоины заделывали глиной с песком и мелкими камнями.

Самый ловкий пушкарь обительский Меркурий Айгустов, из детей боярских, служил примером другим воинам.

В ясное октябрьское утро живая работа кипела наверху Водяной башни; молодые послушники носили снизу по каменной узкой лестнице ядра и порох; пушкари наводили жерла на туры вражеские, заряжали пушки...

– Не спеши! Не спеши! – покрикивал Меркурий Айгустов своим помощникам. – Пусть ляхи без передышки палят – уморятся скорей. Ну, с Богом...

Подожгли запал, грянул выстрел; видно было, как одна тура, сбита ядром, осела, свалилась и открыла красные жупаны польских воинов.

– Наводи на них!

Новое ядро заставило врагов попятиться. С их стороны рывкнула Трещера – отлетел угол зубца башенного; молодого послушника задело по плечу каменным осколком – испугался юноша и ядро из рук выпустил... Айгустов все сразу приметил.

– Не робей! Не робей! Давай ядро сюда!..

Но послушник, бледный, дрожащий, бросился к лестнице, шепча трясущимися губами:

– Ой, страшно! Спаси, Господи! Ой, боюсь!..

Из темного отверстия лестницы показался черный клобук архимандрита Иоасафа. Настоятель слышал испуганный лепет юноши и шагнул вперед.

– Чего страшишься, чадо неразумное? Без воли Господней ни единый волос не упадет с главы нашей... Смотри, я за тебя послужу пушкарям...

И старый инок, с трудом подняв откатившееся тяжелое ядро, понес его к пушке. Застыл боязливый послушник, впереди других бросился он помочь крепкому духом старцу.

– Так, так, чада мои милые! – говорил с доброй улыбкой отец архимандрит, видя, как живо и ладно закипела опять работа, как бодро сносили подвигнутые его примером послушники тяготы боя.

– Отец архимандрит, – молвил весело Айгустов, заряжая пушку. – О нас не кручинься – справимся...

– Вижу, вижу... Исполать тебе, добрый молодец!

Благословив Меркурия, воинов и послушников, старец неспешно спустился по лестнице на стену. Тут шла та же работа; воевода князь Долгорукий всех подбодрял, за всеми смотрел. Благословил старец и князя.

– Жарко, отче, – молвил князь. – Ишь, нехристи без усталости палят. Бывал я в битвах и осадах, а такой не помню.

– Не робеют ли у тебя, княже, ратные люди? – допрашивал архимандрит, поглядывая на воинов.

– Нет, отец Иоасаф, молодцами держатся. И деревенские парни не хуже стрельцов. Вон тот молодец у меня больно ловок, так палить привык, что уж я его в сотники поставил. Эй, парень!..

Данила Селевин, в новом кафтане с галуном, подошел к ним, усталый от жаркой работы. Отец Иоасаф, любовно улыбаясь, благословил его:

– Откуда будешь, молодец?..

– Молоковские мы все, отец архимандрит, трое нас, братьев... Пришли святому Сергию послужить... Селевиными звать...

– Тот богатырь-то, что от богомольцев приходил ко мне, брат, что ли, тебе?

– Старший брат, отец честный... Все мы крест целовали – не сдавать обители до смерти... Еще раз благословил отец Иоасаф Данилу; пошел сотник к пушкам.

– А быть скоро приступу, отче, – сказал воевода. – Вишь, как ляхи палят спешно... И целят-то худо... знать, просто оглушить, напугать норовят, а там и нагрянут.

– Отобьемся с Божьей помощью, князь.

– Вестимо... Эй, левее наводи, левее!..

И князь поспешил к пушкарям. Успокоенный, ободренный, спустился настоятель со стен во двор обители.

Около келий да амбаров много люду толпилось. Плакали и вопили ребята, голосили женщины, старики и больные молились в полный голос... Велика была на обительских дворах сумятица, но и тут отцу Иоасафу не пришлось сильно кручиниться. Заботливы были старцы монастырские, умели они народ разумным словом утишить, успокоить.

Иеромонах отец Корнилий сидел на крылечке своей келейки; плотным кругом теснились к нему богомолки и богомольцы: девушки, бабы, старики, дети... И не было слышно тут ни плача, ни криков; так все заслушались старца, что словно бы и позабыли про ляхов, про грохот вражеских пушек.

– И не раз, чада мои милые, – говорил старец, – находила на Русь година тяжкая, не раз шли на нее боем враги-нехристи, простой люд и бояр в полон брали, рушили храмы православные, города и села огнем жгли. В старину ханы татарские всю землю нашу под своей рукою держали; к ним, в орду поганую, ездили князья православные ответ держать, кланяться... Но и та беда горькая прошла над Русью-матушкой. Восстал на татар великий князь московский Дмитрий Иоаннович... Долго князь глубокую думу думал, золото-серебро собирал, полки снаряжал. И пошел он, великий князь, к подвижнику Божию, к святому Сергию, что тогда еще длил свое житие земное. И дал святой Сергей великому князю благословение, и с бодрым духом двинул князь полки на Мамая, злого хана татарского. О ту пору даровал Господь молитвами святого Сергия дружинам княжеским победу великую... Почто же смущаетесь и плачетесь теперь, чада мои? За нас, за всю Русь православную преподобный Сергей у престола Божия печется!..

Не пропускали богомольцы ни единого слова из мудрой речи старца Корнилия. Слезы текли по щекам их, вызывала те слезы вера и надежда светлая.

К другому кружку богомольцев перешел отец Иоасаф. Старец Гурий тоже ободрял и поучал простой народ:

– И повелел благоверный царь Василий Иоаннович мощи невинно убиенного отрока, царевича Дмитрия, перенести из Углича в стольный град Москву. Святители церкви православной Филарет Ростовский и Феодосий Астраханский прибыли с боярами царскими в Углич. Многими тысячами стеклись угличане к могилке царевича. И когда начали рыть землю над гробом отрока – разлилось в воздухе райское благоухание, и словно дым кадильный изошел от гробницы Дмитрия. И открыли гроб, и обрели тело отрока-мученика неистлевшим. Даже ризы царевича Дмитрия не коснулось тление земное. Держал убиенный отрок в левой руке платок, шитый золотом; цел и невредим нашли тот платок в руке его. В правой же руке держал мученик – в ту пору, как нож убийцы нечестивого прекратил житие его, – орех садовый. И тот орех нашли у него в руке целым... Великое чудо сотворил Господь! Пятнадцать лет лежало в сырой земле тело мученика и по воле Божией избегло оно тления, и исполнилось оно силы чудотворной... Многие чудеса совершились у святых мощей царевича... В Москве встретили мощи царь, патриарх, царица-инокиня Марфа, поставили их в церкви Михаила Архангела в

раке деревянной, обитой атласом золотым... И доныне открыт доступ к мощам святого царевича Димитрия, и исходят от них чудеса и исцеления... Как же, чада мои любезные, верить ныне злему обманщику, именующему себя царевичем Димитрием, сыном Иоанновым?!

Зашумела толпа, заволновалась, слышались угрозы ляхам, самозванцу... А вражеские пушки ревели все громче.

Дальше пошел отец Иоасаф, туда, где за крепкими каменными стенами монастырских кладовых, под навесами, лежали раненные, ушибленные камнями, оглушенные выстрелами. Стоны и мольбы встретили архимандрита: одни просили исповеди и причастия, другие молили перевязать раны, водицы испить... И тут не омрачилось лицо троицкого игумена, бодрый, твердый взгляд его. Приметил он богомолка, молодых и старых, что пеклись о страдальцах, переходя от одного к другому. Всех заботливее была одна девушка, еще не вышедшая из детских лет; с молитвой на устах помогала она то этому, то тому раненому, не содрогаясь, примачивала водой студеной страшные кровавые язвы, подкладывала под головы страдальцев свежего сена... С глубокой нежностью взглянул архимандрит на Грунюшку – то она была радетьельницей и помощницей страдальцам...

– Благослови тебя Господь, отроковица! – молвил он, кладя ей на голову руку.

Слезы засверкали в голубых очах Грунюшки. Прильнула она горячими устами к другой руке старца.

– Ох, отче, изболелось сердце мое за страдальцев несчастных... То-то мучение, то-то раны кровавые!..

– Не кручинься, дочь моя! За святое дело страдают и томятся мученики. Примет их Господь в Свое Царство Небесное, отпустит им все прегрешения за то, что пролили они кровь в защиту святой обители. Облегчай же их муки, дочь моя, и тебе на небесах зачтется!..

– Истинно, отец архимандрит, зачтется, – отозвался седой стрелец, раненный в голову, которому Грунюшка только что обвязала окровавленный лоб, оторвав лоскут от своей скудной одежды. – Добра она, словно ангел Божий...

Подозвал отец Иоасаф проходившего послушника:

– Беги к отцу казначею; пусть велит он из погребов принести сюда вина крепкого, фряжского; пусть отпустит из кладовых полотна да холста потоньше... Надо льющим за нас кровь страдальцам телесные силы подкрепить, надо им язвы перевязать. Да скажи, не велел-де отец настоятель скупиться, не время теперь бранные блага беречь...

Просветлели раненные, услышав приказ игуменский, посыпались на отца Иоасафа благословения...

В трапезной монастырской в чугунное било ударили, созывая братию к трапезе. Отец Иоасаф повелел, чтобы все обычным порядком шло, дабы не смущались иноки и миряне... Потянулись из келий старцы, коим не под силу было на стенах помогать. Пришли и от пушек смены воинов и богомольцев-охотников подкрепиться пищею. Сытными блюдами, крепкими, сладкими медами угощали иноки своих защитников: в монастыре всего вдоволь запасено было.

Все в трапезной не уместились – расставили по дворам скамьи да столы, и с молитвою насыщались бойцы монастырские под рев пушек.

Молодцы молоковские все рядом сели; сначала молча ели: натрудились за целое утро, голод их мучил... Потом, передохнув, и разговорились...

– Как у вас там, на Плотнишной башне, Тимофей? Сильно ядра сыпят ляхи? – спросил Ананий.

–словно град идет, – отвечал Суета, справляясь с ковригой монастырского хлеба. – И меня задело...

Он показал локоть, обвязанный тряпицей.

– Чай, больно? – спросил торопливо Оська Селевин, и пугливо забежали его лукавые глаза на побледневшем лице.

– Чего больно! Я и думать забыл...

Суета придвинул к себе чашку с брагой.

– А слышь, Ананий, – начал Данила Селевин, – больно уж сильна та пушка ляшская, что в нашу сторону палит. Ядра-то с голову людскую!.. Такие ямы в стенах рвет, что страсть одна... Да и метят из нее лихо...

– Чай, много побил у вас людей?

– Немало. Намедни одного пушкаря хватило, да еще не самым ядром, а осколком от стены... Не пикнул даже бедняга, пополам голову разнесло... Со мной рядом стоял.

– Рядом? – переспросил Оська, даже зубы у него застучали о край чашки с брагой.

Ананий сурово покосился на него:

– А тебе, Оська, я вижу, больно жизнь дорога?!

Смутился Осип, голову опустил, побледнел еще более.

– Что ж, кому помирать охота? – пробормотал он.

– За обитель-то святую? За веру-то? – грозно проговорил Ананий. – Смей ты у меня еще такое слово молвить!..

– Да разве я отрекаюсь? Христос с тобой! Что он меня, братцы, ни за что ни про что избил? – плаксиво прибавил младший Селевин.

Ананий пуще нахмурился:

– А к тому я это тебе молвил, что вижу я в тебе робость, вижу шатание великое... Не с радостью, не с легким сердцем подставляешь ты грудь под пули за обитель святую. Ой, крепись, Осип! Крепись, говорю... молитву читай! Силен лукавый, и хитры пути его!

Помолчали все. Ананий, пригрозив брату, задумался. Суета и Данила прислушивались к гулу пушечному и поглядывали – не пора ли на стены идти?..

– Надо бы, други-товарищи, той большой пушке ляшской как-никак жерло заткнуть, – сказал наконец старший Селевин. – Не то много она у нас людей стубит... Отпрошусь-ка я у воеводы ночью за стены... Товарищей поудалее наберем; может, и доберемся до трескотухи горластой. Попытаем счастья, ребята?..

– Попытаем! – отозвались весело Данила, Суета и даже Оська скрепя сердце.

– Пушкаря Меркурия возьмем. Он места здешние знает, да и к делу огнестрельному привык...

Стали они горячо толковать о ночной вылазке.

Вдали из дверей трапезной вышел воевода князь Григорий Борисович; не торопясь пошел он между трапезующими воинами, приветливо на них поглядывая.

– Досыта ешьте, молодцы. Раньше ночи со стен не пуцу.

Бодро поглядывали монастырские бойцы на своего храброго воеводу, на его поступь смелую, на плечи могучие...

– Дозволь, княже, слово молвить, – сказал старший Селевин, пробравшись к нему сквозь толпу. – Да не здесь, на народе, а в сторонке где...

Повел его с собою воевода за угол башни, где пусто было. Ласково светились зоркие очи воеводы, весело улыбался он, слушая про затею богатыря Анания...

– Доброе дело ты замыслил, молодец. Да нелегко свершить его удачно. Догонят вас ляхи, перерубят всех...

– А я тайный ход нашел, князь-воевода. Мне старцы показали – у Сушильной башни. И неведомо будет ляхам, как мы из обители выйдем и как вспять уйдем...

– Попробуй, молодец, счастья... Только обождать надо: чай, скоро ляхи на приступ пойдут – тогда мне все добрые воины понадобятся... Ты, что ль, у Красных ворот стоишь?

– Там, воевода. И молодец удалых я подобрал...

Не пришлось воеводе с Ананием беседу до конца довести. С Водяной башни слышались громкие крики, на стенах – видно было – народ заметался...

– Воевода! – подбежал к князю Долгорукому стрелецкий сотник. – Пушку у нас подбили! Поранили многих.

Кинулся князь Григорий Борисович в то место, где беда стряслась. Поспешили за ним и другие воины.

Всею виной опять была Трещера... Так из нее метко ядро пустили, что оно смяло медное жерло у лучшей обительской пушки, что палила в ляхов с Водяной башни. Потом отскочило ядро и поранило трех пушкарей; Меркурию Айгустову тоже ногу задело... Оробели непри- вычные воины...

– Эй, чего всполошились! – загремел воевода, взбираясь на башню. – Тащите другую пушку со стены боковой. А эту, негодную, вниз сбросьте!

Закипела работа. И тут богатырская сила Анания Селевина кстати прищлась. Один-одинешенек подпер он новую пушку на крутой, узкой лестнице могучим плечом и наверх двинул. А там уж подхватили ее десятки ловких рук – и опять, как прежде, зачернело грозною пастью медное жерло, глядя на ляхов.

Ляхи тоже не дремали... Видно было с башни, как громоздили они на свои окопы все новые и новые туры, как подвозили и ставили все новые и новые пушки и пищали. Гуще и чаще забелели клубы порохового дыма, белым поясом охватившего стены. Гром выстрелов не прерывался ни на миг. Уже едва слышны были из-за него колокола обительские...

Жутко пришлось стрельцам, богомольцам и послушникам. Робкие убегали со стен, не слушаясь начальников; кое-где и рук не доставало для пальбы... А на дворах монастырских стон и плач стоял. С испугу падали без памяти молодые и старухи, дети криком кричали, думая, что убили их сестер и матерей...

Пуще всех оробел в этот злой час Оська Селевин. На его долю досталось нехитрое дело: подавал он главному пушкарю ядра, что кучкой были сложены за каменным уступом на стене, близ Водяной башни. Онемел, оглох, обеспамятовал он от страха; кричат ему, чтобы ядра давал, а он с головой за уступ схоронился – ни с места!

– Поранило, что ль? – услышал он над собой знакомый голос брата Данилы. Сильная рука схватила его за ворот и поставила на ноги.

– Да ты цел-целехонек! Трусишь? Хоронишься? Так вот тебе! – И Данила сгоряча такой удар брату отвесил, что едва не слетел Оська вниз со стены. Злобно засверкали его глаза, недобрым взглядом окинул он среднего брата и за дело принялся...

Тем временем и отец Иоасаф услышал, что больно сильна пальба, что робеют защитники обители. Бодро выпрямился седовласый архимандрит, подал пастырский клич соборным старцам и впереди их поспешно вошел в большой храм обительский...

Вскоре широко-широко распахнулись железные двери храма, и показалась вереница старцев-иноков, послышалось стройное многоголосое пение... Отец Иоасаф нес впереди золотое распятие, за ним старцы Корнилий и Гурий высоко поднимали большую икону преподобного Сергия, игумена монастырского, в богатом окладе. Далее другие старцы выносили икону за иконой, хоругвь²⁹ за хоругвью... Согласное пение их уже достигало до стен обители, вливая в сердца защитников бодрость и отвагу. Длинной цепью, сверкая серебром, золотом, дорогими камнями икон, крестный ход поднялся на стены, перешел на одну башню, на другую, на третью...

Отрываясь от пушек, воины падали на колени перед святыми ликами... Колокола обительские загремели могучим звоном...

²⁹ *Хоругвь* – в старину войсковое знамя, в церкви – укрепленное на шесте полотнище со священным изображением, носимое при крестных ходах. В польском войске хоругвью назывался и отдельный отряд, имеющий собственное знамя, численностью от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

– Святой Сергей, заступник наш! – кричали стрельцы и пушкарки. – Помоги, святой Сергей!

И опять загромыхали со стен выстрелы, отвечая огненными молниями на град ядер вражеских.

– Поборайте врага, православные! – воскликнул далеко слышным, юношески сильным голосом отец Иоасаф.

Вновь раздался умильный, проникновенный хор старцев-иноков и молодых послушников.

Изумленные ляхи прервали на короткое время пальбу, но скоро опять зачастили выстрелы. Ободрясь духом, монастырские отвечали им тем же...

Приступ

Наступил тринадцатый день октября месяца. Осажденные уже привыкли, притерпелись к ежедневному грохоту пушек, к дождю ядер и пуль; наловчились и сами метко отвечать на выстрелы, укрываться от снарядов за зубцами и выступами, заделывать проломы в стенах от ядер. Дружно бок о бок держались на монастырских стенах и стрельцы, и дети боярские, и деревенский люд.

Отдохнув краткое время от трудов истекшего дня, воевода князь Долгорукий вышел на рассвете поглядеть, что кругом творится. Прежде всего направился князь на Водяную башню; злая Трещера беспощадно громила и терзала ее меткими, тяжелыми ядрами. Много изувеченных бойцов выбыло из отряда ее защитников, не один раз пришлось на нее и новые пушки встаскивать, взамен разбитых.

Бодро поднялся воевода на башню; там уже давно пальба началась; ляхи принялись громить обитель с первым проблеском зари – не пришлось воинам монастырским и отдохнуть хорошенько.

Поздоровался князь с храбрым пушкарем Меркурием, с товарищами его, окинул взором ляшские туры:

– Что, еще не разбила вас Трещера?

– Живы еще, княже, молитвами святого Сергия... Еще две пробоины враги сделали, да не больно страшно: забили мы их глиною...

– Ладно, молодцы!

И опять стал воевода зорко в польский стан глядеть. Показалось ему, что вражьи полки за ночь ближе к турам подвинулись. Словно гуще стали отряды их. Задумался князь Григорий Борисович, подозвал к себе сотников стрелецких, Меркурия Айгустова, Анания Селевина и других бойцов, ловких да сметливых.

– Вот что скажу я вам, други мои... Приметил я, что в стане ляшском полки собраны. Гляньте-ка вон там, на горе Терентьевской, гусары краснеются, а дальше – венгерцы в своих куртках зеленых... Не впервой мне в боях быть, не обидел Бог опытом. Пойдут ляхи на приступ. Готовьтесь.

Переглянулись бойцы, словно говоря друг другу: «Мы уж давно готовы... хоть сейчас в бой...»

Понял их разумный воевода:

– Надо, други, камней запасти, бревен тяжелых. Женкам-богомолкам велите вар варить... Зарядов запасите...

– Вдоволь запасено, – в голос ответили молодцы.

– А теперь пойду других оповестить. Будет приступ, будет!

Пошел князь-воевода по всем башням да стенам наказы отдавать, ободрять непривычный к бою люд. Суматоха началась в обители, стар и мал помогал воинам...

Дошла весть и до архимандрита; поспешил отец Иоасаф тоже на стены словом и примером укрепить дух защитников. Встретился он с воеводою Долгоруким на той же башне Водяной, откуда все туры ляшские, как на ладони, были видны...

– Ну, отец архимандрит, молись теперь со старцами за нас, – говорил воевода. – Крепко нахлынут ляхи – по всему вижу...

– Гляньте! Гляньте! – крикнул зоркий Ананий Селевин. – Эх их сколько высыпало!

Запестрели от ярких польских нарядов луга Клементьевские, Келарские и другие открытые места вокруг обители. Гусарские доломаны отливали алым цветом; вились на шишаках длинные, белые перья; синели расшитые желтыми шнурами венгерские куртки; мелькали высокие, черные казачьи шапки с разноцветными верхами; желтые наряды немецких пеших

стрелков ясно виднелись на черной стене насыпей и тур. От сапегинского стана примчались латники в шлемах с серебряными крыльями, с длинными пиками, на остриях которых трепетали синие и красные значки. Смело выступила конница на открытое поле и начала бешеную скачку – потеху воинскую. То летели ляхи целыми рядами, то – по крику ротмистров – разрывали строй и рассыпались лавой, вскидывая вверх копыя, сверкая обнаженными мечами, доспехами...

– Что это они игрище затеяли? – спросил отец Иоасаф.

– Таков уж у них обычай... Удивить да напугать нас хотят своей силой... Немало у них рати...

Воевода правду молвил. Смущаясь и дивясь, глядели со стен воины монастырские на несметные полчища, на их коней быстролетных, на доспехи и оружие иноземное. Казалось, бойцы святого Сергия считали силу вражескую и конца ей не видели. А из-за туров все высыпали да высыпали новые полки. В одном конце поля показался под бунчуком³⁰ первый вождь Петр Сапега с ближними начальниками. От Терентьевской рощи выехал Александр Лисовский на горячем черном коне, окруженный своими головорезами. Красные перья вились на шлеме знаменитого всадника; замечен он был в толпе по росту и осанке...

Видно было со стены, как съехались вместе два ляшских начальника и завели беседу.

– Погибель нам замышляют, разбойники, – усмехаясь, проговорил князь Григорий Борисович.

– На свою главу привлекут они смерть и гибель лютую... Не оставит нас игумен Сергей! – громко воскликнул отец Иоасаф.

Встрепенулись стрельцы и пушкари, грозно заблестали глаза их, крепче сжали они в руках оружие.

Молчали в этот день пушки ляшские, боялись их пушкари ядрами задеть своих. Но все же гром, гул и крик стояли вокруг стен обители: многотысячная конница, словно море, волновалась, кипела и переливалась по полям и пригоркам. Вот начали небольшие отряды подскакивать все ближе и ближе к монастырю. Быстрее стрелы каленой сновали то туда, то сюда поджарые казацкие кони, ляшские аргамаки³¹, татарские скакуны.

Грозили обители враги, поносили ее защитников разноязычным говором, показывали свое блестящее, дорогое оружие; так и сыпались хвастливые речи...

– Сдавайтесь нашим панам и царю Димитрию! – кричали наездники, гарцуя перед башней...

– Уходите, братцы, от монахов... Валите к нам, у нас житье раздольное, – звали казаки...

– Нехристи! – зычным голосом, не стерпев, рявкнул Ананий. – Отъезжайте, не то выпалю!

Схватился он за свою тяжелую пицаль, но остановил его руку отец архимандрит:

– Пусть их пустые слова сыплот... Обожди...

Удалой пан Лисовский тоже захотел потешиться – примчался на своем черном скакуне под стены и хитрые речи повел:

– Что супротивничаете, старцы? Эй, послушайтесь совета доброго: бросьте палить да попусту кровь лить. Иль неведомо вам, что царь Димитрий на той неделе Москву одолел, царя Василия в полон взял?.. Все земли покорились: и северская, и тверская, и новгородская, и владимирская... Одни вы, неразумные, на гибель идете... Покоритесь, монахи, сдайте пушки и зелие; царь вас пожалует...

Тут уж не мог Ананий Селевин удержать гнева правого, спешно нацелился он и грохнул из пицали.

³⁰ *Бунчук* – древко с подвязанным к нему конским хвостом (или даже двумя-тремя хвостами). Бунчук обычно возили вслед за казачьими атаманами или гетманами как символ их власти.

³¹ *Аргамак* – верховая лошадь, рослая, складная, сухощавого сложения. Аргамаков во времена Московской Руси привозили с Кавказа и даже из Средней Азии. Они весьма сильно ценились на Руси.

Но только захохотал пан Лисовский, круто повернул коня и отъехал от стен, погрозив саблех. Не могла пробить пуля пищальная его крепкого панциря иноземнойковки.

Мало-помалу отскакали от обители и другие наездники, видя, что попусту там тратят слова и насмешки, что и стрельцы и иноки крепко стоят на своем.

– Смотри-ка на того казака седого, Ананий, – молвил Меркурий. – Кажись, старый зна-комец.

– Атаман казацкий, у него мы пушки-то разбили!

– Он самый... Невесел что-то...

И вправду, атаман Епифанец тоже был у стен обительских, а теперь отъехал хмурый и скорбный. Не поносил он иноков и стрельцов, не улещал их лукавыми речами. Слушал он, как звонили колокола обительские, глядел на стрельцов и послушников, твердо стоящих за святыню, и что-то неведомое, чудное творилось в душе старого, седоусого всадника.

Во многих битвах обагрил он руки человеческой кровью, с юных лет жил он убийством и грабежом, о молитве давно уж и думать забыл... Но в этот час невольно вспомнилось старому казаку-разбойнику краткое светлое детство, ласка материнская, благозвучная служба церковная... Почему-то затуманились глаза старого атамана, и, отвернувшись, скрыл он лицо от своих казаков-удальцов.

Проводили обительские воины глазами врагов, заметили, что и остальные полки отошли подальше к турам; спешились утомленные скачкой и гоньбой нарядные ляшские наездники, легли отдохнуть. Из-за окопов выкатили бочки с медом и вином; начали ляхи пить, веселиться, разгульные песни петь.

– Теперь еще не пойдут на приступ нечестивцы, – вымолвил, приглядываясь к стану, воевода. – Оставят нам время потрапезовать. Знаю я их повадку: перепьются вдосталь, а как стемнеет – полезут на стены.

– Будем ждать, уповая на Бога, – бодро ответил отец Иоасаф и пошел со стен в обитель проверить – все ли в порядке, не смущаются ли духом богомольцы.

Как в обычное время, зазвонил в монастыре трапезный колокол, потянулись все подкрепиться простой пищей для трудов предстоящих. На стенах и башнях половина воинов на стороже стояла, зорко следя за ляхами.

Оська Селевин, злой и угрюмый, сидел за столом на дворе монастырском рядом с Тимофеем Суетой; старшие Селевины на стенах остались.

– Слышал, Суета, что ляшский пан про Москву-то молвил? – спросил Оська соседа.

– Брешет пан, как дворовый пес! – пробурчал Суета, трудясь за доброй обительской трапезой.

– А если не брешет? Худо нам будет...

– Двум смертям не бывать...

И не стал более Суета слушать. А Оська еще более закручинился, затуманился...

Суета, захватив с собою кое-какой снеди, взобрался на Водяную башню к Ананию. Там все было по-прежнему тихо; дымились готовые фитили в руках у пушкарей; заряженные ядрами и сеченым свинцом жерла грозно глядели на окопы и на шумную польскую рать.

Побеседовали воины, отдохнули по очереди – а в ляшском стане все гудели громко пирующие, долетали до тихой обители хмельные песни. Только когда уже смеркаться стало, завывли трубы вражеские, и снова высыпали по всему полю удалые конные полки. Уж не тешились, не скакали без толку наездники, а плотными рядами строились, готовые к бою. За конницей из-за окопов показались пешие дружины, блестя пищальями; челядь ляшская тащила огромные деревянные щиты, длинные тонкие лестницы, ручные плетеные туры... Опять завывли трубы, и опроретью со всех сторон ко всем башням и воротам обители бросились дикие, разноязычные полки...

Да не врасплох напали они на воинов монастырских.

– Постоим за святого Сергия! – крикнули воеводы и сотники.

– С Богом, чада мои! – ободрял защитников показавшийся на стене отец архимандрит.

В тревожном гулком набате слились колокола обительские; завопили, завывли бешено несущиеся ляхи...

Через передовой вал и ров монастырский враги перебрались легко, набросали тур, камней – и прихлынули к стенам.

Разом громыхнули монастырские пушки в густую, кипящую толпу надвинувшихся врагов. В вечернем полумраке ясно был виден багровый огонь выстрелов, изливавшийся мгновенными, грозными потоками из бойниц, из-за зубцов. Сотнями валились ляхи, но, разгоряченные вином, сломя голову слепо рвались вперед. Венгерские стрелки открыли огонь из ручных пищалей; искусны были венгры в бою огнестрельном – и все чаще и чаще стали раздаваться на стенах стоны раненых, все чаще и чаще падали вниз осажденные, сраженные меткими пулями.

Спешившись, пан Лисовский, отважно подставляя грудь огню и железу, зорким взглядом искал слабого, доступного места в стенах обители.

– Руби ворота, – заревел он, и вперемежку с выстрелами застучали тяжелые топоры и секиры о могучие, окованные железом ворота монастыря.

– Братцы, ломаются в ворота! – прозвучал с башни чей-то дрожащий пугливый голос.

– Пан Брушевский, велите лестницы ставить, дружнее на стены! – гремел внизу крик Лисовского. – Рубите запоры, товарищи!

Сотни гибких, но крепких лестниц скользнули к толстым стенам, словно белки быстро начали взбираться по ним осаждающие под защитой метких пищалей венгров.

Перегнулся через зубец Водяной башни богатырь Ананий Селевин, видит – ляхи что есть силы ворота рубят.

– Вот вам гостинец! – крикнул молоковский молодец, подняв такой камень, что и вчетвером бы другие не шевельнули.

Грохнулся вниз камень, смял, передавил ляхов; в ужасе отпрянули назад уцелевшие враги, замолк стук секир и топоров...

– Сыпьте камень! Мечите бревна! – раздалось по всем стенам обительским – и полетели тяжкие гостинцы на головы и плечи теснящихся врагов. Еще бешенее и злобнее завывли, завопили ляхи, но не хотели ни на шаг отступить: все так же отважно лезли на стены.

Гремели стрелецкие пищали, в упор пронизывая смельчаков ляшских, что цеплялись с лестниц за монастырские бойницы; сверкали бердыши, мечи и топоры, отсвечивая кровавым огнем выстрелов; боевые палицы со звоном раздробляли панцири и шишаки...

Вне себя от гнева и злобы пан Лисовский метался, как бешеный волк, от лестницы к лестнице; два раза уже его сбросили вниз, но ему, ловкому, привычному к бою, все нипочем было. Не одного обительского воина достали уже меткие выстрелы его немецких пистолетов... И, по примеру начальника, все сильнее и сильнее напирала ляхи на стены. Близ Водяной башни, там, где бился средний Селевин, приставили они к стене целый десяток лестниц, разом взлетели по ним и начали меж зубцов биться.

Привычны были враги к рукопашному бою, перебили, переранили, оттеснили обительских, одной пушкой почитай уж овладели...

– Не выдай, святой Сергий! – крикнул Данила Селевин, налетая орлом на ляхов с секирой тяжелой. Подоспел на подмогу слуга монастырский Пимен Тененев, отважный боец. Не щадя живота, задержали молодцы врагов, а там десяток стрельцов воевода Долгорукий прислал: зорко следил он за боем... Сбросили осаждающих, перерубили лестницы. Данилу Селевина мушкетной³² пулей в щеку задело...

³² *Мушкет* – большое и тяжелое ружье с фитильным замком, опирающееся при стрельбе на сошки. Употреблялось в Западной Европе и на Руси в XVI и XVII веках. Название «мушкет» происходит от итальянского слова «муска» и означает

Приметил это отец архимандрит, что во время боя не сходил со стен, с крестом в руке ободряя малодушных, поощряя отважных.

– Поранили тебя, молодец? – спросил он Данилу, унимавшего рукою обильную кровь. – Дай-ка я помогу тебе...

Оторвал отец Иоасаф от рясы изрядный лоскут и крепко-накрепко перевязал рану храбромu сотнику.

– Не смущайся, чадо мое, что служу тебе: старец – юноше, инок – воину... За обитель ты кровь свою пролил...

Благословил архимандрит Данилу и далее пошел по шумным, окровавленным стенам обители.

Неистошима, казалось, ляшская сила; новые и новые отряды лезли на стены; на смену порубленным лестницам тащили десятки других, целых.

Венгров подкрепили немецкие пехотинцы; градом защелкали в бойницы и зубцы пули вражьи...

Но не посрамил своей славы боевой, своего княжеского имени и воевода Долгорукий.

Везде, где жарче дело было, где горами трупы лежали, являлся он с обнаженным мечом в руке, отважный и могучий: сам рубил и сбрасывал смельчаков ляшских, сам нацеливал пушки – ободрял воинов громким, смелым окликом. Другой воевода, Голохвастов, что близ Плотнишной башни главным был, не таким орлом глядел, а все же не уступал ни пяди врагам...

Все темнее и темнее становилось, а не оставляли поляки боя кровавого; стоны, крики и проклятия оглашали монастырские стены. Вот полетели в осаждающих горящие головни, вот, шипя, дымясь и сверкая в темноте искорками, полился со стен кипящий вар из раскаленных больших котлов...

В первый раз дрогнула ляшская сила. Ужаснулись нехристи, как стало их жечь и палить, словно пламенем геенны вечной. Первыми казаки побежали, потом сапегинские дружины; отступили и венгры и немцы; лишь головорезы Лисовского продолжали биться. Но и сам удалой начальник их не надеялся уже на победу.

– Пан Брушевский! Пан Тышкевич! – кликнул он своих любимцев. – Довольно людей терять попусту. Собирайте жолнеров... Отступление!

Жалобно зазвучала труба; вышколенные жолнеры сомкнулись в ряды и, все еще стреляя, начали отходить от грозных стен обители...

– Слава святому Сергию! – восклицали, переводя дыхание, защитники.

– Спасибо, молодцы! – говорил воевода князь Долгорукий, обходя своих воинов. – Бились на славу!

– Благослови вас Господь! – радостно повторял отец Иоасаф, обнимая, целуя и благословляя храбрецов.

Волнуясь и гудя во тьме, уходили от монастыря полки ляшские, словно морской отлив в непогожее время. Изредка сверкал еще огонь выстрела, жужжала пуля...

– Воевода! – крикнул Ананий Селевин, спешно подбегая к князю Долгорукому с Суемой, с Данилой, с Меркурием и другими молодцами. – Дозволь за стены выйти, проводить ляхов, поугатъ да бердышами посечь!

Дозволил им воевода, похвалил даже за храбрость.

Возле Сушильной башни была потайная железная дверь; ее Ананий давно приметил, подновил запоры, укрыл землей да камнями. Теперь пригодилась она... Захватив лишь топоры да бердыши, по одному выбрались удалыцы за стены. Попросившись тоже идти на вылазку, Оська Селевин сильно удивил Анания: никак не ждал тот от меньшого брата такой прыти.

– Что ж, пойдём. Только не робей, – молвил Ананий.

Поспешно и неслышно погнались удалыцы за отставшим отрядом Лисовского. Вел ляхов пан Брушевский, позамедливший в пути оттого, что было с ним много раненых.

Громовой клич раздался позади ляхского отряда:

– За святого Сергия! Бей их, нехристей, бей!

Смутились враги; одни побежали, другие мигом легли, изрубленные топорами и бердышами; немногие стали отбиваться во главе с паном Брушевским. Но хоть силен и ловок был любимец Лисовского и саблю владел искусно, а не устоял он супротив богатыря молококовского, Анания; смял его силач, саблю бердышом перебил и живьем скрутил пана. Как дитя, лежал связанный пленник на руках у Анания.

Рассеяв ляхский отряд, поспешили молодцы обратно в обитель, чтобы новые ляхи не нагрянули на них. Все храбро поработали в схватке.

– А где ж Оська? – спохватился Ананий, запирая потайную дверь и оглядывая товарищей. – Убили, что ль?..

– Да он, как мы ударили на ляхов, в сторону метнулся, с той поры и не видать его было, – молвил один из воинов. Еще двое-трое то же сказали...

Переглянулись Ананий с Данилой и тяжело-тяжко вздохнули... Радостно встретили в обители смелых бойцов.

Злые вести

После приступа поляки вновь начали неумолкаемую пальбу из пушек и пищалей. Не было в обители покоя ни днем, ни ночью. Ляшские шайки рыскали около стен, и только ядра пушкарей монастырских прогоняли дерзких врагов. Начали нечестивцы перекапывать и портить пруды обительские, но недешево приходилось им порою за это расплачиваться... Наловчившись и в открытом поле громить врагов, Ананий Селевин со своими храбрыми товарищами два раза как из-под земли являлся перед шайками разбойничьими, рубил их и прогонял к стану.

После второй стычки вернулся молоковский витязь в обитель сумрачный, молчаливый; не просветлел он лицом ни на похвалу воеводскую, ни на благословение отца игумена. Велел он снести в кладовую монастырскую отбитое у ляхов оружие, а сам, понутив голову, пошел в одну из келий иноческих, где лежал в недуге Данила Селевин.

Отозвалась отважному сотнику мушкетная рана, что получил он во время большого приступа: залучила молодца огневица³³ и едва в могилу не свела...

Да отходила Данилу от смерти ранней девушка-богомолка Грунюшка: ночи не спала над ним, давала травы и зелья целебные, которыми снабдили ее старцы монастырские, опытные во врачевании души и тела... Одоле лихую болезнь сотник Данила.

– Жив ли, братишка? – промолвил Ананий, входя в тесную келью и улыбаясь ласково Грунюшке, сидевшей около больного.

– Завтра на стены выйду! – весело отвечал Данила.

– Дай бог... Надо мне с тобою побеседовать.

Сел Ананий на лавку, нахмурился. Вгляделся Данила в лицо старшего брата – видит: словно бы похудел Ананий за немного часов; по челу глубокие морщины пошли.

– Худо, брат Данила! Опозорил наш добрый род Селевиных Оська-переметчик... Ведомо ли тебе, что он теперь в стане ляшском?..

В ужасе всплеснул руками Данила, Грунюшка закрестилась, молитву зашептала.

– Мыслил я, – говорил Ананий, – что упал духом парень, не вынес своим сердцем слабым трудного осадного сидения и бежал укрыться куда ни на есть от страха. Да не то вышло. Враг человеческий соблазнил неразумного, стал он злодеем-переметчиком... Изловили мы сегодня в схватке одного казака из рати Епифанца-атамана... Сильно порублен был тот казак и на наших руках Богу душу отдал. Умирая, сказал он нам: «Молитесь, братцы, за мою душу грешную, да простит мне Бог, что воевал я святую обитель. Стойте, братцы, крепко за святого Сергия и пуще всего изменников опасайтесь... Есть теперь в стане у Лисовского один переметчик монастырский; говорит он ляхам, в чем недостача в обители, учит их, в какие места ядра целить, чтоб огнем занялись кельи. Много золота дарят тому Оське Селевину начальники ляшские...» Как услышал я, брат Данила, так меня словно ножом по сердцу резануло. Пойдет теперь по обители молва: род-де Селевиных ненадежный, изменничий!

В тяжелой горести задумались оба брата. Грунюшка в углу тихонько плакала...

– Надо нам, Данила, как-никак братнюю вину перед обителью искупить, – строго, раздельно молвил Ананий.

– Что ж, приказывай... Ты – старшой, заместо отца...

– Помнишь наше целование крестное?.. Поклянемся же, брат Данило, как случай выйдет, вперед всех умереть за святого Сергия, кровью омыть бесчестие наше...

Вынул Ананий из-за ворота серебряный складень, и, перекрестившись, приложились к нему оба брата.

³³ Огневица – болезнь, сопровождаемая сильным жаром, лихорадка.

– Коли я Оську в бою повстречаю, – дрожащим голосом сказал Данила, – не дам пощады переметчику!

– Вестимо! – хмуро отозвался, вставая, Ананий.

– А теперь время мне в архимандричьи покои идти. Будут там моего пана пленного пытать да спрашивать... И какие ж эти ляхи слабосильные: кажись, я его чуть-чуть лишь помял, а четыре дня отлеживался пан, насилу встал...

Вышел Ананий Селевин из келий и направился к отцу архимандриту. Там уже все в сборе были. Пан Брушевский, в цепях, в кунтуше измятом и изорванном, стоял перед соборными старцами. Воеводы тоже тут были...

Завидел князь Григорий Борисович Анания, к себе поманил и шепотком спросил его:

– Верно ль про твоего брата молва идет?

– Верно, княже... Смутил его лукавый... Обесчестил нас...

– Полно! Ты в том неповинен. Всем ведомо твое усердие да старание на пользу обители. Ты только свою дверь потайную оберегай построже: как бы не ввел переметчик врагов в обитель...

– Спасибо, напомнил, воевода! Не бойся, устерегу потайной ход... А того переметчика, хоть и брат он, достану, своей рукой накажу... Не быть изменнику живу!

– Слушай, молодец, – молвил воевода, взглянув на похудевшее лицо Анания, на его глаза впалые, – вижу, скорбит душа твоя, тяжело тебе... Иди-ка ты после допроса к архимандриту – утешит и успокоит твое сердце отец Иоасаф...

– И то, надобно отцу Иоасафу открыться, – согласился Ананий.

Начался допрос ротмистра Брушевского. Спесив и отважен оказался лях: соколиными, смелыми очами глядел он на иноков и воевод...

Старец Гурий сел сбоку у стола дощатого записывать слова пленника, допрашивал пана воевода князь Долгорукий.

– У Сапеги ли служишь, или у Лисовского?..

– Служу ротмистром в полку у ясновельможного пана Александра Лисовского. Берегитесь, иноки, оплатит вам пан Лисовский за мой плен, за дерзость вашу!

Пленник чисто говорил по-русски, гордо озираясь.

– Не грозись, пан, – спокойно ответил воевода. – А много ль рати у вас? Какие полки?..

– Силу нашу вы сами видели, а полки наши и пересчитывать долго... Есть венгерская пехота, есть пушкари немецкие, есть мазовецкие стрелки, есть казаки запорожские, донские, северские, волжские, астраханские... Есть и гусары и латники... Дайте срок: всех в своих стенах увидите, – нагло засмеялся надменный лях в лицо старцам.

Вспылил воевода и гневно крикнул на пана – пыткой ему пригрозил. Посмирнее стал лях...

– Порешили пан Сапега да пан Лисовский не отступать от обители, хоть три года под стенами стоять, а взять-таки вас, перебить, перевешать, монастырь спалить...

Молча выслушали старцы грозную весть. Некоторые головами поникли, а отец казначей Иосиф даже побелел весь – так ему жутко стало...

– А ведомо ль вам, монахи, – возвысил вдруг голос пан Брушевский, – что скоро вы с вашими башнями на воздух взлетите?! Ведем мы под ваши стены подкоп, а в подкопе бочки с порохом зельем заложены. Теперь уж немного рыть осталось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.